

ЖСЗ
КЧК

КОСТЕР

7

июль 1975

Мы не задумывались и не очень-то берегли жизнь на Земле. Она казалась нам безграничной и вездесущей. Верили, что на Луне живут люди. А уж на Марсе-то непременно: еще бы — там каналы. А где люди, там и бесчисленное множество разных существ. А уж Африка, Индия, Австралия представлялись нам чем-то вроде зоопарков без клеток. Везде этак пальмы, пальмы, пальмы. А на пальмах кокосы, финики и бананы. А под пальмами кишат — непременно кишат! — слоны, носороги и бегемоты. Ногю поставить некуда — как раскопанный муравейник.

Но вот пришло время разочарований: на Луне жизни нет — своими глазами увидели. Марсианские каналы — совсем не каналы. Планеты — соседи Земли — мертвы. Да уж есть ли жизнь в пределах человеческой досягаемости? Может, ее и нет совсем!

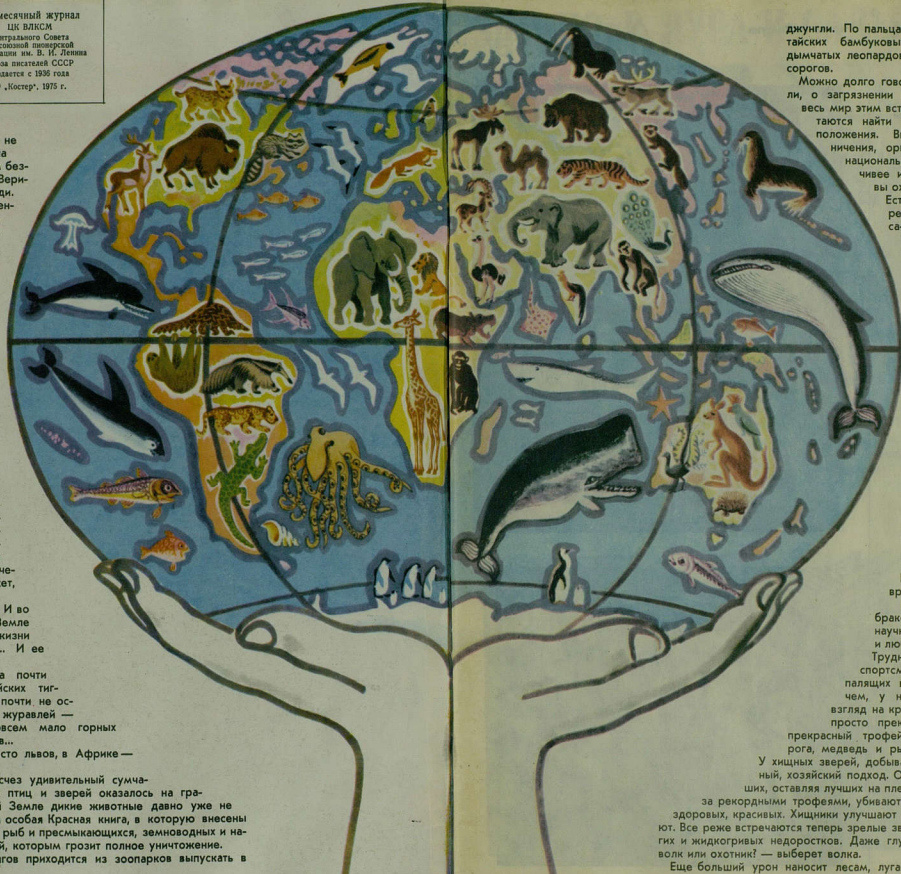
Что, если мы одиноки? И во всей Вселенной лишь на Земле таплится жизнь? Искра жизни в безжизненном океане... И ее мы не берегли.

У нас в горах Кавказа почти исчезли барсы, уссурийских тигров считают десятками, почти не осталось гепардов... Белых журавлей — стерхов — единицы, совсем мало горных гусей и винторогих козлов...

В Индии осталось всего сто львов, в Африке — несколько сотен горилл.

В Австралии навсегда исчез удивительный сумчатый волк; много других птиц и зверей оказалось на грани исчезновения. На всей Земле дикие животные давно уже не кишат. Давно заведена особая Красная книга, в которую внесены уже сотни зверей и птиц, рыб и пресмыкающихся, земноводных и насекомых, и даже растений, которым грозит полное уничтожение.

Шимпанзе и орангутангов приходится из зоопарков выпускать в

джунгли. По пальцам можно пересчитать китайских бамбуковых медведей. Индийских дымящихся леопардов, африканских белых носорогов.

Можно долго говорить об обеднении Земли, о загрязнении воды и воздуха. Сейчас весь мир этим встревожен, везде люди пытаются найти выход из сложившегося положения. Вводятся запреты, ограничения, организуются заповедники, национальные парки, все настоящее и громче звучат призывы охранять и беречь природу.

Есть у нас в Аральском море остров-заповедник: Барса-Кельмес. На нем в свое время спасли антилоп сайгаков и диких ослов — куланов. Сайгаки и куланы прижились на острове. Привыкли даже к соленой морской воде.

Остров стал для них надежным убежищем в нашем быстро изменяющемся мире. Настоящий остров спасения.

Сейчас уже немало таких островов: потерявшие «крушение» птицы и звери спасаются на них, как робинзоны. А что, если отдать диким все заброшенные острова? Неужто мы не обойдемся без них?

Шимпанзе из Европы везут в... Африку! Диких зверей из городов везут в джунгли. Зоопарки возвращают природе долг. Брали, брали, а теперь возвращают...

Везде пытаются обуздать браконьеров и поставить на научную основу промысловую и любительскую охоту.

Трудно понять охотников-спортсменов, с удовольствием пальцами в живые мишени. Впрочем, у них свой резон, особый взгляд на красоту. Для них не бывает просто прекрасного зверя, а только прекрасный трофей. Олень — прекрасные рога, медведь и рысь — прекрасная шкура.

У хищных зверей, добывающих хлеб своей насущной, хозяйской подножкой. Они забывают на мясо худших, оставляя лучших на племя. Охотники же гонятся за рекордными трофеями, убивают самых больших, сильных, здоровых, красивых. Хищники улучшают породу, охотники ухудшают.

Все реже встречаются теперь зрелые звери, все больше тонкорогих и жидкогровых недоросков. Даже глупый заяц из двух зол — волк или охотник? — выберет волка.

Еще больший урон наносит лесам, лугам, всему живому дым из

труб, сточные грязные воды, нефть в морях, химикаты, бесконтрольно высыпанные на поля.

В нашей стране принят Закон об охране природы.

Начиная с детского садика, ребят знакомят с родной природой. Учителя, книги, радио, телевидение, кино помогают детям и взрослым узнать, полюбить природу. Сделано много, но еще больше предстоит сделать.

Отношение к животным...

Можно его беречь и даже ценить на вес золота. Лес — зеленое золото, звери — мягкое золото. Как нефть и уголь — черное, а вода и воздух — голубое. Богатства природы, кладовая природы.

Но говорят уже и по-другому: «зеленый друг», «меньшие братья», «наши дикие земляники». Такая оценка дороже золота.

В этом номере журнала много рассказов и статей о природе, о нашем долге перед ней. Задумайся над ними.

Н. СПАДКОВ

Рисунок
В. Прошкина

Фото И. Колтуна

ОДЕВАТЬ

ЗЕМЛЮ В ЛУГА И САДЫ...

— Мы еще не волшебники, мы только учимся... — говорят юные натуралисты Ленинградского ордена Трудового Красного Знамени Дворца пионеров имени Жданова.

И задания у нас пока несложные — пересадка да поливка, подрезка да прополка... Дорастем до седьмого класса, — поедем в далекие путешествия. Ведь каждый год клуб биологов Дворца посылает ребят постарше в научные экспедиции — в Окский, Воронежский и Тебердинский заповедники. Там, в заповедниках, они по заданиям ученых ведут исследовательскую работу...

Верим: увлечение, труд и знания сделают из них настоящих ученых-лесоводов, геоботаников, цветоводов.

Разве же не волшебство — растить сады и леса и одевать землю в луга, полные трав и цветов?

В оранжереях отдела натуралистов Ленинградского Дворца пионеров работают Лена Виноградова, Лариса Сиво-

лобова, Мария Алушина, Людмила Мошкина, Света Калининна, Лена Новожилова и Сережа Пожогин.

САМАЯ ВЕЛИКАЯ ИЗ ПИРАМИД

С. СТЕПАНЬЯНЦ

Рисунки Ю. Клыкова

Нет, я хочу рассказать не о пирамиде Хеопса и не о какой-либо другой египетской пирамиде.

Разговор пойдет о самой древней, о самой высокой и незримой из существующих пирамид. Она называется Пищевой Пирамидой Моря и построена по принципу — кто кого ест.

Как она выглядит? В основании — мириады мельчайших водорослей, затем крохотные существа — планктон, потом — рыбы и киты, далее крупные хищники — акулы и касатки, и, наконец, на вершине — человек.

Почему она самая высокая? Океан в два с лишним раза больше, чем суша!

Мало этого, она еще и растет. Ведь человек открывает все новые и новые виды обитателей океана.

МНОГОЭТАЖНЫЙ ОКЕАН

Как и великая пирамида, о которой идет речь, океан многоэтажен. Но расселение здесь идет по другому принципу — кому как удобней.

В океане живет 200 000 видов животных и растений. И почти 5/6 всех его обитателей поселилось в светлом верхнем этаже, на глубинах до двухсот метров, куда проникают лучи солнца.

Остальные этажи абсолютно темные.

Кто живет на этих этажах?

Не так-то просто туда заглянуть. Местами глубина океана достигает десяти-одиннадцати километров. Но кое о чем уже можно говорить определенно.

На больших глубинах, зарывшись в грунт, живут червеобразные животные, у которых нет кишечника. Пищу они переваривают... щупальцами.

В 1951 году в районе Филиппинской впадины исследователям удалось вытащить более ста экземпляров моллюсков, морских огурцов и актиний, живущих на глубине семи километров.

Были у океанологов и другие удачи. Но самые главные — впереди! Изучение гигантских глубин по сути дела еще только началось. И с самого начала ученые столкнулись с удивительными и поучительными фактами. Вот две истории.

ПАСТЬ С ХВОСТИКОМ

Когда с глубины трех тысяч метров была поднята сеть, на палубе научно-исследовательского судна «Академик Курчатов» мне довелось услышать интереснейший разговор.

— Это что за чудовище? Те-ла нет, одна только пасть с хвостиком. Ну и рыба!

— Наверное, такой пастью она только пугает, а питается, как говорится, святым духом! Ничего не ест...

Океанологи снисходительно улыбались и терпеливо объясняли:

— Перед нами редкая глубоководная рыба — Гоностома. Обедать ей действительно приходится не часто. На глубине население редкое. Стоит голодная Гоностома с открытой пастью и ждет, когда проплывет рядом хоть какая-нибудь креветка. Но тут уж она не зевайт! Хоп! А желудок у нее самый что ни на есть резиновый — растягивается во все стороны. Однажды в таком желудке ученые обнаружили рыбу втрое больших размеров, чем Гоностома.

О чем говорит этот факт?

На большой глубине много рыбы не наловишь!

ТАЙНА КРАСНОГО СНАППЕРА

Большинство жителей Земли еще не слышали про сигатеру. А эта болезнь уже грозит нам,

если и в дальнейшем океан будет загрязняться радиоактивными веществами, нефтепродуктами и другими промышленными отходами.

Впервые сигатера появилась на Гавайских островах, в Гонолулу.

Долгие годы десятки рыболовных суденышек привозили в Гонолулу маленьких коралловых рыбок — красного снаппера. Эта рыбка считалась у гавайцев деликатесным кушаньем. Ловили ее у атолла Палммира.

Но началась вторая мировая война. Палмирра стала военной базой американского флота. Рыболовство здесь было запрещено. Не успели прекратиться военные действия, как рыбаки Палмиры возобновили доходный промысел. Первое же судно, привезшее в Гонолулу рыбу, как и прежде, целиком распродало свой товар. И тут произошло непредвиденное. Почти все люди, купившие рыбу, заболели. Они испытывали страшную головную боль, теряли слух и зрение. Таинственный недуг навел на гавайцев ужас. Медики установили: красный снаппер, побывав в загрязненных участках моря, стал ядовитым. Недуг назвали сигатерой.

Вывод из этой истории такой: загрязняя океан (а загрязняя мы верхний слой воды), мы рискуем отравить рыбу и себя.

ДРУГИЕ НЕПРИЯТНОСТИ

Когда-то люди боялись океана. Рыбаки и мореплаватели старались его задобрить. В честь бога Нептуна возводились храмы, делались жертвоприношения.

Теперь человек стал сильней океана. Теперь не океан человеку, а человек приносит океану несчастья.

И загрязнение океана — первое.

Вторая беда — хищническое истребление морских рыб и животных.

В нынешнем столетии только в районе Антарктики добыто двадцать пять миллионов тонн синего кита. Если резко не

ограничить китобойный промысел, скоро в океанских просторах не останется ни одного такого кита. И увидеть его можно будет только в зоологических музеях.

Это же относится к промыслу нототении и некоторых других ценных рыб.

Но исчезают не только киты и рыбы.

Под угрозой уничтожения находятся целые подводные «страны», например, знаменитый коралловый Барьерный Риф Австралии. Морская звезда Терновый Венец уже уничтожила целые участки Рифа. Почему она вдруг появилась в таком гигантском количестве? «Потому, — говорят специалисты, — что злейший враг этой звезды моллюск Харония Тридонис полностью истреблен людьми, которые охотятся за его красивой раковиной».

Когда-то люди относились к океану ласково и уважительно. Думая о нем или разговаривая с ним, одни называли его отцом, другие — матерью. Теперь так делают немногие. Один из них — старик Сантьяго, помните? — герой повести Хемингуэя «Старик и море».

Огромному, занимающему семьдесят процентов земной

поверхности, и такому доброму — жизнь-то на Земле зародилась в воде! — Мировому океану не хватает человеческой ласки и заботы.

САРГАССОВЫЙ ХЛЕБ

Мореплаватели Колумба первыми увидели эти длинные водоросли, плавающие посреди Атлантического океана. Матросы кричали: «Да это же саргосо!» Так в Португалии называют мелкий виноград.

С тех пор водоросли с мелкими воздушными пузырьками, напоминающими виноград, получили название Саргассум. Отсюда и название — Саргассово море.

Ежегодный урожай океанских пастбищ — донные водоросли, саргассы и бесчисленные микроскопические травинки — составляет гигантскую цифру: 40 миллиардов тонн.

Щедро кормит океан своих «травоядных». Что и говорить, аппетит у них превосходный! Одному планктонному рачку Каланусу ежедневно требуется столько пищи, что если ее взвесить, она окажется равной половине его собственного веса. А таких рачков в одной кружке океанской воды сотни тысяч.

Но что значит зверская прожорливость морских травоядных? Все равно почти весь урожай остается «на корню», лишь часть его (вспомните Пищевую Пирамиду моря) попадет на стол человеку.

А ведь уже сейчас человечество начинает испытывать затруднения от недостатка продуктов. К 2000 году население земного шара удвоится. Значит, проблема пропитания станет еще более острой.

Только океан может помочь человеку.

Уже сейчас в ряде стран, кроме рыбы, люди охотно едят моллюсков, водоросли, ракообразных, морских червей — трепанов.

Появились первые подводные плантации.

Кто знает, может, мы будем скоро отфильтровывать морской планктон и делать из него... сосиски? Ведь там и там — белок. Или будем приходить в булочную и спрашивать: «Саргассовый хлеб у вас свежий?»

Многое может стать возможным, если мы сумеем окинуть внимательным взглядом самую Великую Пирамиду, под считаем ее пищевые запасы и научимся по-хозяйски их беречь.

ОСИНОВЫЙ ЛИСТ

— Сколько бурь
Я перенес!
Жег меня не раз
Мороз,
Сколько гроз я
Испытал!..
— Что ж ты делал?
— Трепетал!..

ИВА

Плачет ива
У обрыва.
Кем обижена ты,
Ива?
Видно, ветер
По привычке
Дернул иву
За косички.

ОШИБСЯ

Крот
Подземный ход копал,
В нору к суслику
Попал:
— Извините, дорогой,
Темновато под землей!..

ЛЯГУШОНОК

Лягушонок на пруду
Лопушком прикрыл звезду.
Утром он открыть спешит:
Глядь — там солнышко лежит.

Рисунок О. Ивашенцевой

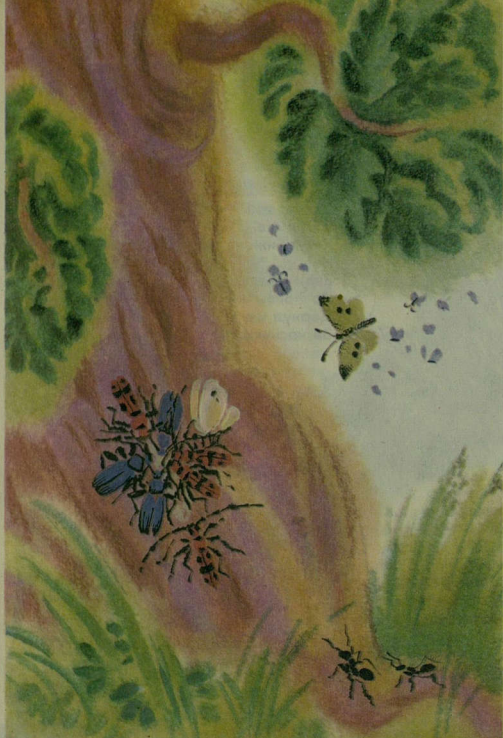
А. КРЕСТИНСКИЙ

ДУБ ЗАБОЛЕЛ

Дуб у нас заболел. На стволе еще зимой появились глубокие трещины. Теперь из них течет прозрачный густой сок. Сок этот вскипает на поверхности дерева, пузырится на стволе белой пеной, пахнет далеко и остро.

Насекомый народец, пронюхав о несчастье, радостно летит к дубу.

Первыми лакомый сок открыли мухи. Открыли и вывели тут же бесчисленное потомство. Сотни, тысячи юных

СОЛОВЕЙ

Дом наш стоит на бойком месте. С одной стороны — железная дорога. С другой — широкий проспект, главная грузовая колей города. Круглые сутки гудят на ней машины.

Между домом и железной дорогой — не застроенный пока пустырь. На нем чахлая трава, кусты, камни, горы глины и фантастических очертаний глубокие лужи. На берегах этих луж вечерами мальчишки разводят костры, собирая по всему пустырю деревянную рухлядь.

мушек кишмя кишат в пузыристом соке, купаются в нем, незаметно обретая крылья. Потом они яростно летают вокруг, крепкие и сверкающие, словно кованные из синей стали.

Начал я лечить дуб. Попался под руку пластилин — замазал трещины. Через секунду — другую сок пробуравил заклепки и потек с удвоенной силой.

Попробовал заклеить один ход масляной краской. Запах ее отпугнул на время насекомых, но подавить могучие насосы, качающие сок ввысь, не удалось.

Тогда я зацементировал самое большое отверстие. На моих глазах цемент начал вспухать, в центре серой нашлапки образовался маленький кратер. Оттуда толчками подавалась вверх белая пена.

Я устал и на время оставил свои попытки. Этим воспользовались насекомые.

Теперь к дубу прилетели многомоторные жуки. Впятером, а то и шестером окружали они кратер маленького вулкана плотным панцирным венчиком и, тесно прижавшись друг к другу, голова к голове, упершись задними лапками в край цементной горки, медленно, по-носорожьи, с фантастической непрерывностью поглощали сок, не допуская к живительному источнику других насекомых.

Впрочем, кое-кто ухитрился проникнуть сквозь заслон: бабочки.

Аккуратно сложив крылья, как заботливая хозяйка складывает скатерть, они грациозно покачивались на стволе, из-за спин жуков потягивали сок, точно коктейль...

А по крутым спинам жуков суетливо бегали

мухи всех мастей, толкая друг друга тупыми носами.

Наконец, я принес битум. Когда это дьявольское вещество стало бесшумно и грозно пузыриться в ковшике, я залил им скважину.

Не успел битум застыть — на его поверхности медленно начал расти глянцеви́тый пузырь, который вздрагивал под напором распиравшего его сока, вибрировал, тянулся, сколько мог, во все стороны, утончался до последней степени и — наконец — лопнул, выбросив из своих гладких недр мутный поток, который вырвался отсюда с такой силой, что обрызгал листья ближних веток.

В эту овальную полость, не успевшую как следует остыть, тотчас сунулась поджарая оса. Острый задок ее быстро задергался от удовольствия — она пила.

Отчаявшись, я бросил ковшик с битумом наземь.

Ночью снился мне сухой дуб. Он печально звенел жестяными листьями...

Проснувшись, я вспомнил дурной сон и побежал по росе в угол сада.

Дуб стоял молодым. Крона — верней, корона! — высилась над стволом гордо и празднично, наполняя все вокруг равномерным, могучим своим дыханием. Кора снова сделалась сухой, упругой, глянцеви́той. Потeki белой пены исчезли куда-то, насекомые тоже. Один только муравьишка полз вверх, временами останавливаясь и удивленно поводя усиками: что случилось? что произошло?..

Рисунки Т. Соловьевой

Когда в сумерках выходишь на балкон и с девятого этажа смотришь вниз, пустырь представляется Землей, неизведанной и таинственной.

Мальчишки копошатся у дрожащих огней.

В мае, только отцветет лоза и пустырь покроется рыжими веснушками одуванчиков, сюда прилетает соловей.

Где он живет, где вьет гнездо — не знаю. Но только спустится над пустырем белый вечер, а за ним — белая ночь, я открываю настежь окно и слушаю соловья.

На серебряной наковаленке отбивает он звонкие гвозди. Строит свою весну.

Идет поезд. Вагоны щеголевато отщелкивают ритм на стыках. Катится волна грохота от железной дороги к дому, разбивается о стену, рассыпается над пустырем и опадает на траву тихим звоном оконных стекол.

Тонкая ниточка соловьиной песни не рвется ни на минуту. Я то угадываю ее, то слышу. То слышу, то угадываю.

Один за другим идут по проспекту тяжелые МАЗы, груженные щебенкой, песком, кирпичом. Гремят длинные платформы — на них крепко принайтовлены железобетонные стены будущих квартир. С упругим гулом проносятся машины с надписью «Совавтотранс». Над огромным кузовом пузырится тонкая синяя парусина.

Грохот, гул, скрежет, вой, рев.

Серебряные колокольчики. Свист. Щелканье. Не тонущая в белом воздухе трель.

Часам к пяти утра устали машины. Выдохлись поезда. Опустились на влажный асфальт серые бензинные пары. Притихло все.

И в этой короткой — не более получаса — тишине продолжает петь соловей. Ничуть не охрипший, не усталый, выводит он свои колена, одно неожиданной другого, а в самом конце, перед тем как замолкнуть и раствориться среди деловых утренних звуков, он отчетливо, с усмешкой скажет:

— Фью-фью! Фью-фью! — До свидания!

ПЯТАЯ ЧЕТВЕРЬ

В июне прошлого года мы работали в виноградарском совхозе. Работать было нелегко и трудно, но очень интересно и весело. Работали до обеда, потом шли купаться, вечером ехали на автобусе домой, а утром снова на работу. Еще хотим поделиться нашей радостью! Кику и меня приняли в комсомол. Мы — первые комсомольцы нашей школы, потому что она только недавно стала восьмилеткой.

Ирина В. Кира З.
Киринская ССР, Токмак,
школа № 6

Уважаемый БАРАБАНИ Тысячу извинений за столь долгое молчание. Дела в нашем селе идут хорошо. Начался сбор белой черешни, на гороховой линии уже молят, теперь редко увидишь ребят — все в поле. Я тоже еду завтра туда, на десять дней. Будем жить в бараках, как Павла Корина.

Юра Фурман,
Херсон,
село Зеленова

На скировке всегда найдется работа для ребят. На полевом стане в глазах ребят — разноцветные платья, яркие рубашки! Кружок шутки, смех, не заметишь, как полдня пролетит. А там повара на обед зовут. До чего же вкусен обед после работы!.. А когда день кончится и все уйдет, такая тишина стоит над полем!.. Я люблю смотреть, как высокие стога погружаются во тьму!..

Люба Гурянова,
Удмуртская АССР, поселок Уром

Барабани ты, наверно, удивишься, что я тебе пишу. Ведь я перешла уже в 10-й класс! Летом мы своими руками отремонтировали школу. Мальчики чинили парты, ставили стекла, красили полы, стены. Девочки красили окна, двери, панели. Мы даже сами не ожидали, что так здорово получится. Как настоящим рабочим!

Тайя Дие Хадина

Ашмбасова,

Каракаиндинская область,

совхоз Акбайтуу

ПОКОС

Вот и лето наступило.
Начинается покос.
Мы с собором заготавливаем
Целый лес биксидиных кос.
Побежали на лужайку,
Начали траву косить,
От жары мы силы майки,
Очень всем хотелось пить.

К вечеру жара утихла,
Мы успели у косила,
В плетве золотом.

А на стриженной лужайке
Сохла свежая трава.
Аромат ее набился
Деве в уши нам и в нос,
И мы дружно хохотали.
Над рассказами, до слез!
Перед розовым рассветом
Все заснули крепким сном,
И во сне нам снилось лето
В плетве золотом.

Юра Трофимов,
5 класс, Красноярск

Оформление Л. Каминского

У всех у нас одна общая Родина — Советский Союз. Но есть еще у каждого своя, малая родина — это село, город, поселок, где ты родился и живешь. Новая рубрика БАРАБАНА ждет ваших писем с рассказом о родном крае.

СЕЛО МИХАЙЛОВКА

Село наше — центр колхоза «Победа». Через село течет река Угрюшанка, приток Оби. За последний год в селе построили много новых домов, клуб, гостиницу, столовую. Строят новую школу-восьмилетку. Год тому назад мы встречали переселенцев из Ульяновской области. Их было восемьдесят семей. Жители села тепло встретили приезжих. Им построили улицы и назвали ее Ульяновской.

В нашем селе русские, татары, чувашы, марийцы, украинцы. И все дружат. Народ наш работящий. Несмотря на трудные условия, а морозы бывают до 45°, мы выращиваем овощи и фрукты.

Свою жизнь хочу посвятить школе. Сейчас работаю с октябристами. Они любят меня. Я представляю себе их будущими летчиками, механизаторами, агрономами. С ними так интересно.

тересно! Я хочу быть с ними всю жизнь и чувствую, что преодолю ради этого все преграды.

Лена Герасименко, председатель совета отряда 6-го класса,
Новосибирская область,
село Михайловка

Наш совхоз — ценный. Он называется КАЗАНСКИМ в честь комсомольцев из Татарии. Девять лет назад на месте совхоза лежала голая степь, пестрели палатки строителей, стояли деревянные вагончики.

Сейчас наш совхоз считается самым красивым в области. Центральная улица названа именем Ленина. Очень зеленая улица. Рядом протекает Иртыш.

Зерно, мясо, молоко, шерсти дает наш совхоз стране.

Я горжусь своим совхозом.

Медина Каскенова,
Павлодарская область

Душещипал черника так и прорисов в корзинку! А грибы хороши — долго пахнут лесом!

Виктор
Летобева,
7 класс,
Ленинград

ЕСЛИ ТЫ ЗАВЕЛ ЗВЕРУШЕК...

Когда мы сдвинули личоски, что в какое звено хочешь, я написала: «В Юноши натуральнее». И еще восемь ребят так же написали. Мы ходим на стадионные носы. Там много животных, есть лошади, лопы, мы носим ей сушки, яблоки. Она как увидит нас — головой трясет, облизывается... Зимой мы с подружками Натальей взяли на воспитание двух щенков, ухаживали, кормили, выгуливали. Я даже кашу для них дома варила. Щенки жили в сарае, мы постелили им сено. Один раз приходил, щенков наших нет. Их кто-то украл. Я очень плакала. Дома у меня живет кот Димон, рыбки, в комнате много растений. Когда я вырасту, буду ветеринаром.

Лариса Леонова,
Новосибирск

ДОКРУ В БОЛЬШОГО БАРАБАНА

Однажды, еще перед канникулами, мы пошли на колхозную ферму. Там был теплая. Один совсем слабый. Мы взяли над ним шефство. Каждый по очереди кормил его, приглашал за ним. Теперь теленок окреп, не хуже других. Мы назвали его Малыш. Он привыкает ко всему нашему отряду.

Жанна Сковородко и
Аня Шумкович
из деревни Ситковское
Витебской области

Я шел из школы и вижу — один ученик издается над щенком. Сделал петлю и надеет на шее. Я подбежал, а он бросил щенка и ударял. Я не стал его догонять, взял щенка и отнес домой. Теперь это хорошая большая собака.

Сергей Дорбенев из Ростовской области

ЕСЛИ ВЗЯЛ ЩЕНКА В СВОЙ ДОМ...

ИЗВОЛИ ЗАБОТИТЬСЯ О НЕМ!

— На всех горных перевалах мы поставили обелиски с именами героев. Нашли более семидесяти имен. Это летчики и бойцы, погибшие в 1941 году.

Говорит Алеша Шервашидзе:

— Мы получили письмо от новороссийских следопытов, от Тамары Ивановны Поднимы, которая была связана в группе «Юная мститель» Лабинского подполья. Организацию возглавлял бывший ученик нашей школы Дмитрий Шервашидзе. Это мой дядя. Я не видел его, но много слышал о нем от родителей и от бабушки. Во время войны Дмитрий, военный летчик, был сбит фашистами, ранен и пропал в станицу Лабинскую. Там он отлежался под мостом, и его увидела девочка. Она позвала мать, и женщина увела Дмитрия к себе. Она скрывала его, пока он не поправился. Потом он наладил связь с партизанами и стал руководителем молодежного подполья. Подпольщики добыли оружие, организовали побег пленных, обезвредили мины, поставленные оккупантами. Потом отряд волился в Советскую Армию.

Дядя Дмитрий погиб под Тарасовкой. Похоронили его могилу. Но еще не все имена погибших с ним воинов известны следопытам...

Дорогой Барабан!

У нас в школе организован кукольный театр. Мы назвали его «Буратино». Уже поставили пьесы «Заяц, Лиса и Петух», «Теремок», «Колобок».

Первыми артистами нашего театра были Лариса Аргун, Оля Ходунова, Амалия Адам, Ираидия Волков, Оля Си-монова.

Я в этом театре играю роль ведущей. Мне очень нравится наблюдать за лицами ребят во время спектакля. Особенно любопытно наблюдать за мальчишками. Если победит злая или испуганная, а к концу пьесы многие из них радуются так, как будто играют сами.

Медва Ахалдвани

Работать в кукольном театре очень интересно. Надо научиться подражать голосам разных животных — птиц, насекомых, собак. Да и у людей голоса должны различаться. Дюпстни, стариков или девочек...

Очень мне нравится в нашем театре.

Симела Джавидани

Мы не зурбим наши роли, потому что на выступлении можно запутаться и сбиться с текста. Даже наша ведущая Медва и то не учит текст дословно. Тем более мы, артисты... Спектакль у нас всегда проходит живо, никогда не бывает конфузов.

Игорь Тишин

На представлении кукольного театра в школе № 7 города Батуми, ребята увидят новый спектакль «Сказка — правда!»

Библиотека барабана

Дорогой автор книги «Мой добрый папа!» Дорогие издатели! Я когда-то смотрел такое кино, но поздно пришел с хохотом и увидел только конец. И вот теперь я читаю эту книгу. Она такая интересная, что почти все жители нашей большой семьи прочитали и похвалили ее. Ее прочитал даже мой младший брат, даже моя старшая сестра.

Только мне очень жалко Петинного папу, ведь он был убит на войне. Если бы я писал эту книгу, я бы написал, что папа вернулся.

Сергей Савицкий, 4 класс, Николаевская область.

Спасибо тебе, Сергей, за доброе письмо. Мы обязательно покажем его автору книги «Мой добрый папа» Виктору Владимировичу Голыкину.

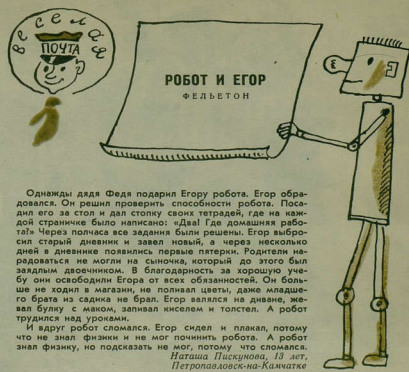

ВОТ ЭТО ДА!

Филина Фотографировала Вова Липунова, житель села Тархана Кавказской ССР. Снятый необычно, Филина напугивает какую-то диоквиновую рыбу...

А шукку и счастливых вы-боловев снял ленинград-ец Валерий Андреев. Он занима-ется в клубе фотали-телов Дворца пионеров Выборгского района

Однанды дядя Федя подарил Егору робота. Егор обра-довался. Он решил проверить способности робота. Поса-дил его за стол и дал столпу своих тетрадей, где на каж-дой страничке было написано: «Да!» Глядя домашняя рабо-та! Через полчаса все задания были решены. Егор вы-бросил старый дневник и завел новый, а через несколько дней в дневнике появились первые листочки. Родители на-радовались не могли на сыночка, который до этого был за-давлен дедочником. В благодарность за хорошую учебу они освободили Егора от всех обязанностей. Он бо-льше не ходил в магазин, не поливал цветы, даже младше-го брата из садика не брал. Егор велел на диване, же-вал бумагу с маком, запивал киселем и толстел. А робот тру-дился над уроками.

И вдруг робот спомался. Егор сидел и плакал, потому что не знал физики и не мог починить робота. А робот знал физику, но подсказывать не мог, потому что спомался.

Наталья Пискунова, 13 лет, Петрозаводск-на-Камчатке

Уважаемый погтарик!

...помогите мне найти цвет-ных артистов, сообщите на-адрес, мне очень хочет-ся их иметь. Жду с большой радостью ответа

Андрей, 7 класс, поселок Кара-Чок Талды-Куранской области

— Ах, где отыскать мне артистов прекрасных — Сиреневых, синих, зеленых и красных! Мечтаю иметь в артистов цветных — Оранжевых, желтых и голубых.

Собрался Всемирный Ученый Совет, Три дня заседал и составил ответ: «В пределах Солнечной Системы Таких не видели нигде мы. Вот полетим в миры иные, Возможно, там живут Цветные»

Измайленко Пётрарик

Находчивый ПАЛОЧКИН

— Палочкин, ты почему че-ре-на был на физкультуре? — Ного болела. — А почему сегодня не бо-ли? — Но ведь сегодня нет физ-культуры!..

Вот какие у нас достижения!

ТРУДОВАЯ ЗАКАЛКА

Этот очерк написан нашим корреспондентом во время поездки в ставропольский колхоз имени XX съезда КПСС. Именно здесь, в станице Новопавловской, состоялся Первый Всесоюзный слет ученических бригад.

Обращаясь к юным делегатам слета, Леонид Ильич Брежнев подчеркнул значение труда на благо Родины для формирования характера будущих хозяев страны, сегодняшних пионеров и комсомольцев.

...Станица Новопавловская Ставропольского края лежит привольно и широко на степных просторах. Там ранняя весна, жаркое лето и долгая теплая осень. Рукой подать от станицы до горы Машук, у подножия которой могила Михаила Юрьевича Лермонтова; в двухстах километрах отсюда — Черное море; не так уж далеко до волшебных вершин Домбая.

Да и что говорить — кругом рай!

— Но мы, — сказали мне де-

вочки-восьмиклассницы Таня Супрунова и Таня Удовенко, — сегодня никуда не поедем и покажем вам свой рай... Мы придем в этот «рай» пешком. От дверей нашей школы — прямо в рай.

Я удивилась. А экскурсоводы ученической бригады, две Тани, знали, что впереди меня ожидает еще не такое удивление!

Мы шли к пойме реки Куры, где раскинулись сады и поля ученической бригады.

— Вот это наш Сад дружбы, прошлой весной пионеры посадили здесь айву и персики... А это Ботанический сад, взгляните, какие редкие экземпляры растений тут есть: «Спирея Ван-Гутта», «Глициния китайская», «Деервила» — цветущий кустарник.

Мы подходили к царству цветов, деревьев, стриженных зеленых лужаек, декоративных полей, нарядных дорожек и простых тропинок. Это центр бригады, который здесь называют «культстаном». В выжженной солнцем степи, в сухом ее воздухе, под жарким, хотя и осенним солнцем, оазис был именно здесь. Самое красивое, как мне показалось, по ландшафту место станицы в окружении холмов, расцвеченных в те дни яркими красками осени, принадлежало детям.

— Кто-то очень добрый подарил это богатство природы ребятам, — сказал я. — Какие прекрасные земли!

Но мой горячий восторг был остужен.

— Нет, — возразили мне, — не подарили, а сами ребята сделали землю такой.

КАК ЖЕ ЭТО УДАЛОСЬ?

Прошло с той поры ни много ни мало, а уже двадцать лет. Колхоз станицы Новопавловской дал средней школе № 2 три гектара земли. Это было раздолье по сравнению с клумбами и грядками, которыми ребята владели до сих пор. Но, конечно, место запущенное, бывшие казацкие огороды. Потрудиться надо было как следует.

Собрал ребят в бригаду учитель Георгий Иванович Троицкий, он и сейчас преподаёт в школе. А душой бригады стал Павел Григорьевич Годин, бывший главный агроном. Он сразу сказал: «На нашей земле ребята должны почувствовать и смысл, и радость труда».

Самые дружеские отношения завязались у Павла Григорьевича со станичной школой.

Сейчас ученическая бригада хозяйничает на двухстах гектарах земли. Здесь и груши, и айва, и персики. Но не только фрукты выращивает бригада — тыкву, сою, сахарную свеклу, овощи, траву на корм скоту.

А ведь началось ученическое хозяйство с трех гектаров земли, на заброшенном пустыре. Комсомольцы и пионеры новопавловской школы украсили земли колхоза не только тем, что посадили на них голубые сосны и ели, плакучие ивы, тую, березы, платаны, не говоря уже о розах, георгинах, тюльпанах, гвоздиках, нарциссах, — они сделали эти земли плодоносными для овощей, фруктов, картофеля... Продукты сельскохозяйственного производства пошли в кладовые государства. 850 тысяч рублей — таков доход ученической бригады за годы ее существования! Мы с вами не экономисты, но надо поверить им на слово: доход солидный!

Почти все учителя в школе № 2 — выпускники ученической бригады, ее воспитанники. Все они именно в бригаде получили хорошую трудовую закалку.

— Не оставим ни одной картошки на поле!

Саша Искеев сразу после школы сел за руль трактора...

Даже в минуту отдыха успевает агроном Таисия Георгиевна Анциборова рассказать что-нибудь о жизни растений

„Добро пожаловать на слет, дорогие гости! Хлеб-солы!“

Теперешний директор школы Валентина Ивановна Тарасенко в свое время тоже была членом ученической бригады. Уезжала из Новопавловской, получила высшее педагогическое образование, вернулась работать в родные края...

А ЧТО ЗНАЧИТ „ТРУДОВАЯ ЗАКАЛКА“?

Ученическая бригада с пятого класса, с пионерских лет, воспитывает не только умельцев — овощеводов или шоферов, а умных, добрых и честных ребят.

В отряде 6 «б» класса новопавловской школы № 2 все пионеры имеют трудовые ученические книжки. Вручал им книжки Павел Григорьевич Годин, теперь уже председатель колхоза. Ребята тогда были еще пятиклассниками. Но успели сделать многое: посадили персики и айву в Саду дружки, работали в теплицах, полили сорняки, окапывали деревья... А главное — были отрядом правопланговых! Так что при вручении трудовых книжек учитывалось, как учишься, что полезного сделал в своем отряде, какие книги прочел и какие писатели тебе нравятся, каких пионеров-героев знаешь, кому из пожилых людей помогли тимуровцы отряда, чем славится станция...

„НА ВСЕ ЧЕТЫРЕ СТОРОНЫ...“

На школьном дворе мы сели в автобус (праздный человек может дойти до бригады пешком, а деловым людям дорога каждая минута), и он, лихо скользя под гору, в мгновение ока привез нас на «культстан». Нас было много: весь девятый класс, агроном ученической бригады Таисия Георгиевна Анциборова, директор школы Валентина Ивановна Тарасенко, воспитатель бригады Александр Семенович Гамаюнов...

У девятиклассников сегодня — урок агрохимии. Заходим в небольшой домик, там две смежные комнаты, оборудованные для практических занятий.

— Люба Калашникова, скажи, пожалуйста, какой должна быть температура в муфельной печи?

— От 700 до 800 градусов...

— Хорошо, а что нагревает печь?

...В общем, такой идет обстоятельный разговор, что неспециалисту тут делать нечего.

Таисия Георгиевна гордится учениками.

На Всесоюзном слете ученических производственных бригад золотые медали завоевали ее девочки: Наташа Гришечкина — по овощеводству, Ира Романько — по полеводству.

— Кем ты собираешься стать, Наташа?

Наташа кончает нынче десятый класс, она секретарь комсомольской организации школы. Ответ Наташи нетороплив, обстоятелен:

— Меня привлекает агрохимия. Строгое жюри на Всесоюзном слете сочло нашу подготовку очень основательной. Это было приятно. Да мы действительно хорошо знали лабораторию Магницкого и быстро определяли содержание питательных элементов в соке растений, поэтому смогли всех обогнать. Мы набрали самое большое число баллов; безошибочно «отгадывали» семена, разбивали деланки, производили посев... А с другой стороны, меня привлекает литература. Так что мой выбор колеблется между агрохимией и филологией. Не знаю, на чем остановлюсь...

«Звезда» ученической бригады, — как же, думаю я, она уйдет на другую стезю, кроме сельскохозяйственной? Какой же резон колхозу приручать ребят к земле, если они на ней не остаются?

Вот так я подумала и попала впросак.

Выбор будущего у новопавловских ребят свободен. Труд в колхозе школьников не «закрепощает», он развивает в них самые разные таланты и способности. Кого только нет среди лучших «трактористов», «полеводов», «садоводов», «механизаторов», «шоферов»! Каждый выбирает себе профессию по вкусу, по способностям, по интересам. Но вот что самое удивительное! Выпускники школы, уходя учиться на медиков, инженеров, агрономов, библиотекарей, после институтов и техникумов возвращаются домой, в родную станицу.

Ни школа, ни колхоз не боятся отпускать своих птенцов «на все четыре стороны»: улетайте. Любовь к земле, любовь к труду воспитывает благородного человека: дети возвращаются в родные пенаты, туда, где им жилось так весело, хорошо и привольно.

Л. РЕГИНЯ
Фото А. Чернышева

ЕХИДНА

РАССКАЗ

Сергей БАРУЗДИН

Рисунок Т. Васильевой

Кто не слышал слова «ехидна»?!

— Вот — ехидна! — говорят обычно про злого, недоброжелательного, ядовитого человека.

Или — он мастер ехидничать!

Значит, живет где-то такой зверь, хуже которого на свете нет, раз его именем самых плохих людей называют.

Так многие считают, так и я долгие годы считал, хотя ехидну, кажется, только на картинах в учебнике зоологии видел, да и то давно, в школьные годы.

И вот несколько лет назад в Чили, в городе Вальпараисо, попал я в дом одного профессора — любителя животных. Оказалось, что он, как и я, много путешествовал, но, на зависть мне, не просто смотрел мир, а привозил из каждого путешествия что-то живое. Жили у него дома и попугаи всякие, и штук пять обезьян, и рыбы заморские, и даже сумчатая собака, выполнявшая роль обычной нашей дворняжки — домашнего сторожа.

Профессор как раз вернулся из очередной

поездки в Австралию, и я с удовольствием слушал его рассказ про страну, в которой никогда не был. Слушал и все время поглядывал на какой-то необычный ящик, который стоял в комнате.

Ящик фанерный, поставленный крышкой вверх, довольно большой даже для обычного ящика, в котором пересылают по почте посылки. И хотя тут же в комнате, где мы сидели, стояли клетки с попугаями и птицами, аквариумы с рыбами и террариумы с ящерицами и змеями, а стены украшали десятки чучел и коробок с бабочками, этот ящик на паркетном полу выглядел странно.

Время шло к вечеру.

Неожиданно ящик чуть пошевелился, и изпод него, как мне показалось, выскользнуло что-то длинное, похожее на большого червяка или маленькую змею, и оставило мокрый след на паркете.

Профессор заметил мое любопытство:

— О-о! Это удивительное создание! Я его привез из Австралии, но с большими труд-

ностями. Редчайший экземпляр! Даже Брем, Земон и Гааке, не говоря уже о Гарио и Беннет, не могли осудить то, что, кажется, мне удастся... Только, простите, тыфу-тыфу, что бы не слазить!

Профессор назвал имена величайших знатоков животных, которых я знал по книгам, но кто же там, под этим эдиком? И я не выдержал:

— А все-таки кто это?

Словно счастливый ребенок, вдруг узнавший что-то сверхъестественное, солидный профессор прошептал:

— Тише! Этим я и собираюсь удивить вас! Мне уже удавалось... И, кажется, удастся... Только бы не слазить! Тыфу-тыфу!

Тут, хочешь не хочешь, еще больше заинтересуешься. И я даже почувствовал, что вступил в какую-то загадочную игру. Необычную игру! Рядом — профессор, а я чувствую себя мальчишкой. Так интересно! Но и профессор сейчас — почти мальчишка, ребенок.

Тише! — шепчет он. — Мне думается, что сейчас...

И это сейчас произошло.

Опять эдик пошевелился, теперь из-под него высунулось что-то длинное, слоновье и теперь уже пахло покоем на языке, и вслед за ним появился нос. Или хвост, как у птицы. Но похож он был на трубку. И маленький рот, из которого выскакивал язык.

Мы замерли.

Профессор молчаливо ликовал.

На паркет вылезло существо — странное, но и на кого-то похожее. Ежик! Конечно, почти наш ежик! Только размером больше — раза в три, да и с носом необыкновенным, ...

— Иглстая ехидна, — прошептал профессор.

— Неужели ехидна? — хотел спросить я, но тут было не до слов.

Неслышно, низко опустив голову, обнюхивая воздух, чуть суетливо и беспокойно, ехидна прошлась по паркету в сторону книжных полок и оттуда посмотрела на нас внимательными, с белыми шерстинками вокруг, глазами.

И хрюкнула. Хрюкнула почти по-поросенку.

И все же — почти ежик. Или кроет? Но если ежик, то очень большой!

На спине среди гладкой коричневатой щетинки — иглы. Частые-частые. Вроде, и не разберешь, где щетинистая шерсть, где иглы.

Ехидна еще раз взглянула на нас, хрюкнула, и скребнула по паркету сильными лапами, скрылась где-то за книжными полками, у окна.

— Очень симпатичная зверюшка! Впервые вижу! — сказал я.

Профессор был счастлив.

Он рассказывал о том, как кормит ехидну муравьями и термитами, как поит водой с медом или сахаром, как отвел для нее в саду специальное место, где она зарывается в землю, и еще, и еще, и еще всякое.

Правда, я не видел, как ласково обнимает ехидну руки профессора, как узнает его по голосу, как по почкам возвращается из сада домой, но, право, зверюшка эта мне очень понравилась. И ничего не было в ней ехидного.

Думаю, мой друг чилийский профессор может гордиться, что ему удалось приручить австралийскую иглстую ехидну, чего не удавалось прежде ни Брему, ни Земону, ни Гааке — никому из других крупных знатоков и любителей животных.

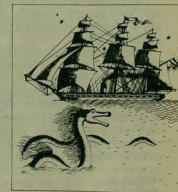
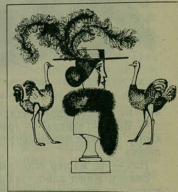
...Вот только не знаю, что сейчас с профессором. В 1973 году в Чили фашисты совершили военный переворот. Много людей погибло и гибнет в Чили. Много хороших людей...

ЧЕЛОВЕК

Ю. Дмитриев.
Человек и животные.
Издательство
«Детская литература»,
Москва, 1973 г.

ОТКРЫВАЕТ, ОШИБАЕТСЯ, НАХОДИТ...

3 то было в Испании. Однажды вместе с отцом-археологом в пещеру близ холма Альтамира спустилась маленькая девочка. Она давно угрозовала отцу взять ее под землю, но, попав туда, сразу разочаровалась: холодно, темно, сыро... От нечего делать девочка стала при тусклом свете керосиновой лампы рассматривать стены и вдруг воскликнула:

— Быки! Смотря, отец, раскрашенные быки!

Так было совершенно замечательное открытие наскальных цветных изображений зверей, живших вместе с людьми 20—30 тысяч лет тому назад. С тех пор ученые нашли много подобных рисунков. На большинстве из них изображены сцены охоты.

Человек и животные... Когда-то они жили рядом на планете, не мешая друг другу. Об этом рассказывает книга Ю. Дмитриева. Было время, когда человек должен был защищаться от диких зверей. Он пугался рассказов о гигантских птицах, уносящих в когтях корабль, или о водяных змеях, пожирающих коров. Теперь такими рассказами не испугаешь даже детей. Человек стал сильным. Он покори всех животных на планете.

Но бывают такие победы, которые не лучше поражения. Порой, покаяя природу, человек поступал неразумно и неосмотрительно. Об этом тоже рассказывает книга Дмитриева.

1 июля 1862 года президент Соединенных Штатов Америки подписал закон, разрешающий строительство железной дороги через

всю страну, от Чикаго до Сан-Франциско. Строительные отряды разнужились от Великого озера до Тихого океана. Они прокладывали рельсы и шпалы через прерии, где паслись стада бизонов — 75 миллионов животных! И строительные компании быстро сообразили, как проще всего кормить рабочих. Рядом со строительством появились охотники. Добывали сперва мясо, потом и шкуры. С 1870 по 1875 года ежегодно убивали по 2,5 миллиона животных! В 1883 году на юге оставалось 59 бизонов, в 1889 году были убиты последние 4 бизона...

Это не единственный пример. За последние сто лет на земле исчезло немало безобидных и полезных животных: морская корова Стеллерова, сумчатый волк, дикий американский голубь... Не мало животных на грани вымирания. Но теперь люди поняли: природу надо не только покорять, но и охранять.

Охраной природы занялась даже Организация Объединенных Наций. По ее просьбе ученые всей земли собрались и создали Красную книгу. Красная книга выключает в себя списки тех животных, которых надо беречь и защищать. А в нашей стране принят Закон об охране природы. Он был принят еще сразу после Великой Октябрьской революции.

И об этом ты тоже прочитаешь в книге «Человек и животные».

Это добрая книга.

Это книга нужная.

А. ЗАЙЦЕВА

НАШИ УДИВИТЕЛЬНЫЕ СОСЕДИ

В. ТАНАСИЙЧУК

Рисунки А. Януса

Лет сорок назад на востоке Бразилии вспыхнула эпидемия малярии. Болели сотни тысяч людей, хозяйство обширных областей было парализовано. Три года велась отчаянная борьба с болезнью, потребо-

стала постоянной обитательницей бразильских хижин.

Зато в иной части Америки другие насекомые, привезенные издалека, оказали людям большую помощь. Каким образом?

В конце прошлого века сады Южной Калифорнии подверглись нападению невиданного вредителя. Побег апельсиновых деревьев были покрыты слоем белой «ваты», и только подойдя ближе, можно было разглядеть, что это не вата, а множество беглых подушечек, мягких и нежных. Внутри каждой — комок рзозовых яичек.

вашая огромных усилий. Чем было вызвано такое бедствие? Ученые долго разбирались в его причинах. Результат их исследований был поразителен. Оказалось, что двенадцать тысяч людей умерло потому, что... через Атлантику перелетел самолет!

Это был один из первых перелетов через океан. О нем писали во всех газетах. Французский пилот выбрал кратчайший путь между материками: он вылетел из Дакара и приземлился у небольшого бразильского города Наталь. И никто из встречавших самолет не заметил, что в уголке кабины океан перелетели «безбилетники» — несколько африканских комаров.

Ну и что же? Ведь в Бразилии малярийных комаров и так сколько угодно, но больные малярией люди там редкость. Бразильские комары откладывают яйца только в лесных водоемах и редко залетают в жилища людей. Биология прыщевцев из Африки оказалась иной: их личинки могли обитать во всякой прогретой солнцем луже, в любом пруду, а комары все время залетали в дома. Вот малярия и

Проходит время — из яиц вылупляются крохотные, похожие на тлей насекомые. Они разбегаются по дереву, начинают сосать древесный сок и расти. У них не развиваются крылья, им не очень нужны и ноги — всю свою жизнь они проводят на одном месте, постепенно превращаясь в набитый яйцами мешочек, прикрытый белой восковой «ватой». Желобчатый червец — так называлось это насекомое. Пораженные им деревья хирели и гибли, а садоводы возмущались — вместо того чтобы бороться с червцом, ученые-энтомологи спорили: откуда он перебрался в Калифорнию — из Австралии или с острова Маврикий?

Садоводы сердились зря — именно этот вопрос был самым важным. Ведь только на его родине можно было найти тех насекомых, которые при-

ца. И вот энтомолог Кёбеле, отправившийся в Австралию, прислал оттуда в Калифорнию сто двадцать девять божьих коровок — родолий. Их выпустили на апельсиновое дерево, обтянутое брезентом, — и вскоре на нем не осталось ни одного червеца — родолии съели всех! К середине лета коровки размножились настолько, что очистили от вредителей весь сад — и со всех сторон стали приходить в него садоводы со спичечными коробками, чтобы перенести чудесных жуков на свои фермы. За один год урожай апельсинов в округе вырос втрое, и желобчатый червец перестал быть пугалом садоводов. И все это сделали сто двадцать девять жуков...

Можно рассказать множество других историй о том, какими страшными врагами человека могут быть одни насекомые и как полезны ему другие. И невольно начинает казаться, что отношение людей к насекомым должно быть таким: вредных истреблять всеми способами, а полезных разводить. А некоторые люди считают, что неплохо бы вообще истребить всех насекомых — оставив только пчел и тутовых шелкопрядов.

Но прежде чем решать этот вопрос, посмотрим, сколько

же насекомых на Земле и какова их роль в природе?

Число описанных, то есть известных человеку видов животных сейчас намного превышает миллион. Среди них, например, больше ста тысяч видов моллюсков, больше двадцати тысяч рыб, около трех тысяч семейств млекопитающих — и не

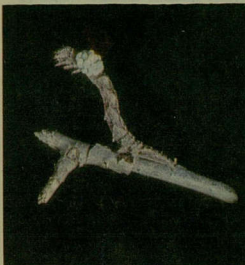
Златоглазка

Осы на гнезде

Богомол

Гусеница пяденицы
с личинками навозника

меньше миллиона видов насекомых. И если находка нового, неизвестного ученым вида птицы или млекопитающего — это целое событие, то ученые-энтомологи в год открывают и описывают шесть—восемь тысяч видов насекомых, причем с каждым годом все больше. По самым скромным подсчетам на Земле остается еще неизвестным миллион видов насекомых (а некоторые ученые считают, что несколько миллионов).

Насекомые обитают всюду. В высокогорье, на грани вечных снегов, живут снежные комарики, крохотные бескрылые коллемболы, серебристые чешуйницы. В открытом океане скользят по волнам морские клопы-водомерки. В темноте пещер живут слепые жуки, и даже в нефтяных лужах могут обитать личинки мух-псилоп. Но больше всего насекомых в лесах — особенно в тропических; немало их и в наших степях и лесах. Подсчитать, сколько всего насекомых на Земле, невозможно, и трудно даже представить себе, какое их множество. На одном квадратном метре луга или леса под Ленинградом живут сотни, а то и тысячи насекомых; значит, на квадратном километре их сотни миллионов! Живущие на на-

шей планете насекомые весят больше, чем все млекопитающие, птицы, земноводные, пресмыкающиеся вместе взятые. И, естественно, в общей системе природы значение всей этой огромной армии чрезвычайно велико. Насекомые во многом определяют особенности жизни на нашей планете!

Каждый школьник знает, что основа жизни на Земле — растения. Они дают кислород, которым дышит все живое. Они — основа питания всех

живых существ. Так вот — огромное множество растений не может прожить без насекомых. Ведь насекомые опыляют их, и без насекомых растения не могли бы давать семена. Более того — насекомые-опылители участвовали в создании цветковых растений, без них на Земле не было бы ни цветов, ни ягод, ни фруктов, ни многих овощей.

У насекомых есть и другие специальности. Они — главные санитары планеты: погребают умерших животных, уничтожают отбросы, разрушают погибшие деревья. Они — почвообразователи, вместе с другими существами создающие плодородие земли. Они служат пищей для множества других животных, которые просто вымерли бы, не будь насекомых. Конечно, есть насекомые, которые разносят болезни человека и домашних животных, — но они же переносят и болезни вредителей, регулируя их численность. Не будь насекомых, мир съели бы мыши и кролики!

Трудно представить себе мир без насекомых; он был бы очень неудобным местом и уютным был в нечистотах. В этом на

очень наглядном примере убе-
дились австралийские скотово-
ды. Как это случилось?

Во всех странах, где водятся крупные животные, обитает масса жуков-навозников, быстро уничтожающих навоз. При этом повышается плодородие почвы и не успевают развиваться вредные мухи. (В Древнем Египте навозник-скарабей был даже объявлен священным). Но в Австралии крупных животных, подобных бизонам, буйволам и быкам, прежде не было. Не было и жуков-навозников. Когда же там развели огромные стада рогатого скота, пастбища стали загрязняться, становились бесплодными пустошами, над которыми носились тучи мух. Проблему удалось решить так: привезли жуков-навозников из Африки. Они быстро взялись за работу, и австралийские пастбища очистились.

Но как же быть с теми насекомыми, которые вредят культурным растениям? Таких не назовешь полезными — они съедают, по крайней мере, десятую часть мирового урожая, а иногда и четверть его. Их истреблять необходимо! Но...

Как мы назовем хозяина, который сжег свой дом, чтобы избавиться от тараканов? Наверно, не очень умным человеком. Но, борясь с вредными насекомыми, люди едва не поступили именно так. Они подвергли очень серьезной опасности наш общий дом — природу. Каким образом?

Сто лет назад было синтезировано новое химическое вещество. Оно было достаточно сложным и получило длинное название — дихлородифенилтрихлорэтан.

Практического применения ему не нашлось — и о нем забыли. Только в 1939 году швейцарский ученый Мюллер выяснил, что оно чрезвычайно ядовито для насекомых — и тогда началась удивительная карьера этого химиката, для краткости названного ДДТ. Им пересыпали солдатское белье — поэтому в прошлую войну не было эпидемий сыпняка. Им опрыскили поля, сады, огороды — и во всем мире поднялись урожаи. Мюллер

был удостоен Нобелевской премии — это высшая честь для ученого. Земледельцы радовались — наконец-то вредители побеждены, вот-вот они будут истреблены совсем!

Ношли годы, а вредители почему-то не исчезали, порой их даже становилось больше. Ученые начали тревожиться. В чем дело? Ведь не мог же ДДТ стать менее ядовитым? А произошло то, чего опасались некоторые дальновидные биологи. Вредители стали привыкать к яду! Среди них возникли малочувствительные к нему расы. Дело дошло до того, что в лаборатории комнатные мухи преспокойнейшим образом жили и размножались в банке, наполовину наполненной ДДТ. Этот яд стал даже повышать жизнеспособность некоторых вредителей! А вот некоторые полезные насекомые оказались более нежными и гибли. Равновесие в природе было нарушено, нашествия вредителей происходили чаще — уничтожать их нужно было все новыми и новыми яда-

ми. А потом стали поступать сведения о другой беде.

ДДТ и близкие к нему яды оказались очень стойкими и очень медленно разрушались. Они смывались дождями с растений, попадали в почву, отравляли дождевых червей и почвенных насекомых. Стали гибнуть поевшие их птицы. Поэтому гибли хищники, съевшие этих птиц. ДДТ попадал в реки, отравляя планктон и рыбу, оттуда — в океаны. ДДТ был найден даже в Антарктике, где он никогда не применялся — причем где! — в мясе пингвинов, питавшихся океанической рыбой. Природа оказалась беззащитной перед миллионами тонн ядовитых химикатов.

Ученые вовремя подняли тревогу. Применение ДДТ запрещено в ряде стран, сильно ограничено в других, в том числе и в Советском Союзе.

Ну, а вредные насекомые — как же быть с ними? Оставить на съедение им сады и поля? Конечно, нет. Борьбаться с ними можно многими способами — применяя специальные методы

обработки полей, используя бактерии или других насекомых. Можно применять и химические средства, но обдуманно, в небольших дозах, так, чтобы нанести вред только вредителям. Но чтобы так бороться, нужно очень хорошо изучить наших врагов и наших друзей в необъятном мире насекомых — наших маленьких соседей по планете. Только зная их жизнь, все тонкости их отношений с другими животными и растениями, можно научиться управлять ими. Так будем всегда помнить и про самолет, перелетевший Атлантику, и про коровку-родолию, и про дом с тараканами.

Фото автора

ТАМ, ЗА ПОВОРОТОМ ...

В. МУСАХАНОВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки А. Слепкова

Мы бесцельно брели по тихой улице. День был бессолнечный, и спокойный сизоватый свет наполнял улицу до самого неба, ровного и тоже сизого, делал фасады старинных домов легкими, воздушными. Мы брели и молчали. Я опустил голову и старался идти по старому шву на асфальте, оставшемуся после ремонта кабеля или водопровода. Я увлекся этим занятием, потому что полоска старого шва иногда петляла, а то и вовсе исчезала, и, чтобы не упустить ее, требовалось внимание. Я шел и воображал себя охотником, идущим по следу. И вдруг Кирка сильно ткнул меня локтем под ребра. У меня даже дыхание зашлось. Я ошалело уставился на него и прошипел, отдуваясь:

— Ты что, сдурел?

— Смотри! — чуть ли не выкрикнул Кирка и показал пальцем куда-то на ту сторону улицы.

Я повернул голову.

По той стороне нам навстречу шел невысокий человек в зеленой брезентовой курточке и летном кожаном шлеме и нес на плече, просунув руку в отверстие, мотоциклетную раму с маленьким мотором. Ни руля, ни фары на раме не было, колеса тоже были сняты, но я сразу узнал по мотору, что это — точно такой же вело-мото, как наш, только красного цвета.

Человек на противоположной стороне поравнялся с нами и пошел дальше.

— Бежим, а то уйдет, — сороговоркой выпалил Кирка и кинулся через мостовую.

Мы свернули в небольшой переулочек с красными кирпичными строениями. Будто что-то связано с этим местом, с красными невысокими строениями. И грустная задумчивость вдруг нашла на меня, и только когда над полукруглыми воротами я увидел лепные лошадиные головы, то все вспомнил. В этом гараже, давно, во время войны, мы были с Федей! Я спросил Кирку:

— Помнишь?

Он молча кивнул в ответ.

Человека с рамой на плече мы остановили у самых ворот гаража. Я подошел сбоку и, стараясь быть изысканно вежливым, сказал:

— Извините, пожалуйста, за нескромность. Это у вас вело-мото ДКВ?

Человек повернул ко мне лицо, и я увидел, что он совсем молодой, ну просто парень лет двадцати. И что-то очень знакомое показалось в его лице, будто я уже где-то видел эти глаза и улыбку. Он поглядел на меня и сказал нараспев:

— Пожалуйста, пожалуйста, моя скромность удовлетворит вашу нескромность. Это, действительно, вело-мото ДКВ, — он смолк и вдруг расхохотался, запрокинув голову в летном

шлеме. А я смотрел на него и силился вспомнить, где мы встречались до этого.

— Ну, ты и даешь, — сквозь смех сказал парень. — Тебе послем надо быть где-нибудь в Турции или Персии. Там такой разговор в моде.

Он стоял, чуть расставив ноги в крепких грубых ботинках, держал на плече раму, смотрел на нас, и глаза у него были веселые и отчаянные, — сразу было видно, что такой парень ничего на свете не боится. И я невольно улыбнулся ему, а сам все думал, на кого же он похож и где мы встречались?

Кирка сказал:

— Как-то неудобно приставать с расспросами.

— Неудобно, когда ботинки жмут, — сказал парень. — Давайте выкладывайте ваше дело, а то у меня перерыв обеденный кончается.

И тут я узнал его!

— Федя! — заорал я.

Он внимательно и строго посмотрел на ме-

ня, потом на Кирку и вдруг, широко улыбнувшись, протянул нам руку.

— Живы, парни!

— Живы, — сказал я и пожал ему руку.

— Вот это здорово, — Федя дернул Кирку за руку. — А я думал, не выжили, ведь были совсем дистрофики.

— Все в порядке, — солидно ответил Кирка.

— Ну, что у вас за дело?

— У нас не заводится, — сказал я, не отрывая взгляда от Фединого лица.

— Что не заводится?

— Вот такой же вело-мото.

— Крутим-крутим педалями, а мотор только чихает и хлюпает, — добавил Кирка.

— Искра-то на свече есть? — быстро поделовому спросил Федя.

— Есть, наверное, — ответил я неуверенно.

— «Наверное», — передразнил Федя. — Эх, вы, мотоциклисты. А может, у вас магдина не в порядке? — он посмотрел на часы. — Ну, лад-

но, некогда. Прикатывайте машину завтра ближе к вечеру — посмотрим, что в ней не ладится. Спросите меня. Ну, пока, — он хлопнул меня по плечу и покачал головой. — Выросли же вы.

Домой мы возвращались возбужденными и веселыми: было радостно оттого, что Федя остался жив на войне, что мы снова встретились.

На следующий день, ровно в пять часов вечера, мы были у ворот под длинными лошадиными головами. Вело-мото мы прислонили к красной кирпичной стене, и он стоял, такой блестящий, голубой, и на улице казался совсем маленьким.

Кирка попросил пожить женщину-вахтеру позвать Федора, и мы стали ждать.

В ворота гаража, возвращаясь с работы, въезжали чуждые самосвалы. Федор вышел из ворот в промасленном комбинезоне, с черными от мазута руками.

— Здорово, мотоциклисты, — весело крикнул он. — Погодите минут пятнадцать, я закончу тут и посмотрим, — он бросил беглый взгляд на вело-мото и улыбнулся: — О, в порядке машинка, совсем новая, — и ушел.

Я смотрел, как он проходит широкую арку, чуть сутулясь и широко размахивая руками, и комбинезон у него издали был похож на кожаный.

— Как думаешь, заведет? — спросил Кирка полупешотом.

— Конечно.

Я сразу поверил, что Федор может все.

Уже стихло в гараже, перестали подъезжать грузовики, и закрыли тяжелые чугунные створки ворот.

Федор вышел в том же комбинезоне, с железной коробкой в руках.

— Давайте вашего конька, — он положил коробку на асфальт, раскрыл, и я увидел, что в ней гаечные ключи и отвертки. — Ты, Кирилл, покрепче, — держи за руль и прижимай, чтобы заднее колесо поднялось. А ты, — он посмотрел на меня, — крути рукой за педаль. Давай-те. — Он поставил вело-мото на подставку, взялся за рычаг сцепления и рукоятку газа.

Я присел на корточки, ухватил обеими руками широкую педаль и закрутил.

— Быстрей! — крикнул Федор. И я поднажал, почувствовав, что крутить стало тяжелей, потому что он отпустил сцепление.

Двигатель несколько раз хлопнул и затих, я перестал крутить.

— Да, — сказал Федор, — даже не схватывает. Ну, будем смотреть, — он наклонился, взял из коробки отвертку и стал отворачивать винты крышки мадины. Мы с Киркой молча смотрели.

Федор поднял глаза, улыбнулся и подмигнул.

— Не журись, ребята, заведем. — Быстрыми, ловкими движениями пальцев он откручивал винты. А я смотрел на него и завидовал и

его ловким движениям, и озорной улыбке, и какому-то особенному полусушительному говорку.

Федор возился недолго: что-то подвернул в мадине, отрегулировал контакты прерывателя, и мы снова стали крутить. Теперь я держал машину за шейку руля, а Кирка вращал педаль. Большие темные руки Федора лежали на рычаге сцепления и рукоятке газа, а лицо было озорным и в то же время сосредоточенным.

— Быстрей! — отрывисто бросил он Кирке. И Кирка, покраснев от натуги, так закрутил педаль, что рук почти не стало видно. Я следил за Федором. Вот его сильные пальцы с широкими короткими ногтями плавно разгладили, и рычаг сцепления отошел. И вдруг в цилиндре мотора раздался звонкий хлопок, потом несколько раз глухо стукнуло: «тук-тук-тук», и мотор плавно заурчал. Федор правой рукой еле заметное поворачивал рукоятку, прибавляя газ, и мотор брал все более высокую ноту и наконец запел ровно и спокойно. Я глубоко вдохнул и почувствовал, что очень устал.

Федор улыбнулся, хлопнул меня по плечу.

— Ну, вот и живая машинка. Пусть поработает немного, согреется. Я сейчас переоденусь, и попробуем проехать, — прокричал он и ушел в гараж.

Мы с Киркой стояли бок о бок и молча смотрели на наш вело-мото, на прозрачную струйку отработанного газа из глушителя, на то, как медленно вращается от легкой вибрации переднее колесо. И кажется, тогда я впервые понял или, вернее, почувствовал, что значит дружба. Я стоял рядом со своим другом Киркой и думал о том, что без него у меня не было бы этого мотоцикла и у него не было бы. А мы сами были бы другими, если бы не встретили в своей жизни много хороших людей: Федю, старого книжника Петра Борисовича, Ивана Николаевича.

Федор вышел из гаража в зеленой брезентовой куртке и летном кожаном шлеме, руки были чисто вымыты и под курткой белела свежая рубашка.

— Ну что, прокатимся? Давайте по очереди. Садись, — он кивнул мне. Я отрицательно помотал головой. Почему-то стало страшновато садиться на вело-мото с работающим мотором.

— Мы еще ни разу не пробовали. Я только на велосипеде умею, — тихо сказал я.

— Ну, а ты? — Федор взглянул на Кирку.

— Я тоже не пробовал.

— Раз на велосипеде умеете, значит, и на нем сможете, — сказал Федор. — Да, кстати, по сколько вам теперь лет-то?

— По пятнадцать, — сказал Кирка.

— Взрослые парни! Неужели такую машину не освоите? — Федор взялся за руль. — Ну вот, смотрите, — ногой он отщелкнул подставку и сел в седло. — Самое главное — не давить на газ. Чем медленнее едешь, тем легче сделать поворот. Вот, трогаясь, толкаешь ногами, педали крутить не обязательно при работающем двигателе. — Он говорил и показывал, широкие сильные руки свободно и крепко

держали руль. — Выжимаю сцепление, включаю скорость, потихоньку даю газ и одновременно плавно отпускаю сцепление.

Стрекотание мотора участилось, машина легко покатилась вперед и пошла все быстрее и быстрее. Мы с Киркой побежали рядом, но сразу отстали. Федор поставил ноги на педали, проехал вдоль переулка, развернулся, плавно накренился вместе с машиной, и вернулся к нам.

— Хорошо работает, как часы, — он улыбнулся. — И тормозишки в порядке. Ну, поняли теперь как?

Я только кивнул.

— Давай пробуй. Бояться будете — ездить не научитесь.

Я с бьющимся сердцем взялся за руль, перекинул ногу и сел в седло.

— Трогайся тихоночь и не бойся.

Я выжал рычаг сцепления, включил скорость и оттолкнулся ногами, правая рука будто бы сама повернула рукоятку газа, я медленно отпустил рычаг сцепления, все еще перебирая ногами по мостовой, и вдруг почувствовал, что мостовая уходит назад из-под ног. Тогда я понял, что еду! Я убрал ноги на педали и сжал руль. Урчал мотор, и шеренги домов по сторонам отъезжали назад. Мне стало легко и спокойно, будто я парю над красноватой булыжной мостовой. В конце переулка я убавил газ, осторожно развернулся и поехал назад. Легкие наполнились ветром, и хотелось петь.

Потом проехал Кирка, потом — снова Федор.

— Ну вот, все нормально, — сказал он. — Теперь все правила надо выучить и натренироваться ездить по улицам. А вдвоем пока нельзя — надо научиться держать машину. Смотрите, это дело серьезное. И сами расшибетесь, и еще кто-нибудь пострадает, да и машину разобьете. Понятно? — голос Федора стал строгим.

— Ясно, — ответил Кирка.

— Мы пока так поучимся, — подтвердил я.

— Правильно. Вот погодите, я налажу своего конька, и будем вместе ездить за город, рыбачить. А где найти меня, вы теперь знаете. — Он улыбнулся, махнул на прощанье рукой и широким шагом пошел по улице.

Началась новая, необычная жизнь.

Сразу после уроков мы бежали домой и в Киркином чулане садились за домашние задания. Вдвоем все выходило быстро и легко. Задачи решались сами собой, стояло только вдуматься в условия; устные уроки мы читали поочередно вслух, а потом задавали друг другу вопросы. Через два часа мы уже укладывали в портфели учебники на завтрашний день.

Потом мы молча, сосредоточенно заправляли брюки в носки, переворачивали кепки козырьками назад и скатывали нашего голубого конька вниз по лестнице. Нас встречал уже тускнеющий день с прохладным майским ветром и тихий двор с кирпичными флигелями. Не

заводя мотора, мы выкатывали мотоцикл на улицу. Этому нас научил Федор, он как-то сказал:

— Настоящий мотоциклист должен уважать себя, а значит, уважать и других. Во дворе не грохочет мотором, выкатывают и заводят на улице.

Словом Федора было законом для нас, и мы никогда не заводили мотор во дворе. Прямо от ворот мы пересекали нашу тихую улицу, не спеша двигались мимо школы; я обычно вел машину за руль, а Кирка клал руку на седло. Потом мы сворачивали в широкий, недавно заасфальтированный переулок, и тут первым в седло садился Кирка. Запевал мотор, и голубая машина уносилась в другой конец переулочка. Куртка на Киркиной спине надувалась пузырями и трепетала, перевернутая кепка прикрывала шею козырьком. Он доезжал до конца переулочка, делал плавный разворот и возвращался ко мне. Я видел его возбужденное лицо и глаза, повлажневшие от встречного ветра, и улыбался сам. Кирка выписывал аккуратную восьмерку поперек мостовой и останавливался — наступал мой черед. Так, сменяя друг друга в седле, мы тренировались весь вечер, стараясь научиться как можно лучше управлять нашим вело-мото. Это тоже был наказ Федора.

Мы часто ходили встречать его после работы. Федор выходил из ворот под лепными лошадиными головами в своей брезентовой куртке нараспашку, в кожаном летном шлеме. Мы здоровались и шли рядом, стараясь приноровиться к его широкому твердому шагу. Я даже иногда ловил себя на том, что копирую его походку, — стараюсь пошире развернуть плечи и твердо ставить ногу на каблук, и куртки наши мы с Киркой тоже не застегивали, правда, у нас они были байковые, лыжные, и не было кожаных летных шлемов, но все равно казалось, что так мы больше похожи на Федора.

Мы шли сначала по переулку, в котором находился гараж, потом — по улице Рылеева, мимо старинной церкви, где когда-то на площади был квадратный пруд и стояла аэроstatная команда. И мы всегда вспоминали о войне, но вслух не говорили ничего. Просто мы внимательно оглядывали площадь — теперь уже асфальтированную — и то место в церковном сквере, где лежал аэроstat и была выкопана щель для укрытия.

Но больше всего мы беседовали о мотоциклах, о правилах уличного движения. Строили планы на лето, когда Федор наладит свою машину и мы будем ездить на рыбалку и по ягоды. При этих разговорах что-то замирало у меня в груди от радостного предчувствия, и сам себе я уже казался взрослым, самостоятельным и серьезным, как Федор.

Однажды перед самыми экзаменами мы провожали Федора до дому. Он шел между мной и Киркой, рассказывал, что осталось только выточить один валик для коробки скоростей его вело-мото, и машина будет на ходу.

— Скорей бы, — отозвался Кирка нетерпеливо. — Надоело по переулкам ездить. Вот в лес бы.

— А правда, надоело ездить в переулке, — сказал я, — и скучно. Хочется на шоссе, где скоростр можно держать.

— Ишь ты, скоростр. Лихачи какие. Будем ездить тридцать пять — сорок километров в час, и не больше, запомните. На большее наши кони конструктивно не рассчитаны. Если будем их погонять — не долго прослужат, — голос у Федя был строгий, но все же за словами угадывалась его обычная усмешка. — Ездить нужно научиться как следует, — добавил он.

— Да мы уже и так... Вон, Валька на десяти метрах может восьмерку сделать, — сказал Кирка.

— Каждый день тренируемся часа по три, — поддерживал я.

— Часа по три? — переспросил Федя с какой-то издевкой в голосе.

— Да, — гордо ответил я.

— А сколько до экзаменов осталось? — Федя пристально посмотрел сначала на меня, потом на Кирку.

— А, подумаешь, экзамены. Сдадим, — отмахнулся Кирка.

— Ну вот что, завтра вывернете свечу и принесете мне в гараж, — лицо у Федя стало серьезным. — Получите обратно, когда покажете аттестаты за семилетку. Ясно?

— Ясно, — растерянно ответил я. Такой оборот разговора был для меня неожиданным.

— Если завтра свечи не будет, то дружба врозь, — сказал Федя. — И учтите, будут «тройки» — свечу верну, а знаясь с вами не буду.

Мы шли по Литейному и молчали. Я понимал, что Федя не шутит, — он делает так, как сказал. И я вдруг испугался, что мы нахватаем с Киркой «трояков» на экзаменах и кончится наша дружба.

На следующий день, вернувшись из школы, мы сразу же сделали домашнее задание, а потом просмотрели билеты по русскому языку и литературе. Да, в этих билетах были заковыристые вопросы, а про физику и математику и говорить не приходилось, — там ведь к каждому билету полагалась задача. Мне сразу стало невесело, когда я только представил все эти одиннадцать экзаменов, которые нам нужно было сдать. Сдать и не схватить ни одной «тройки».

— Ну что? — спросил я у Кирки.

— Что, что, — пробурчал он. — Ничего, заниматься надо. Если начнем сегодня, то, может, и сдадим без тройков, — лицо его было озабоченным. Он достал из ящика с инструментом разводной ключ и пошел в коридор выворачивать свечу из цилиндра нашего велосипеда.

Мы вышли из дому и побрели к гаражу.

Пожилая женщина-вахтерша, когда мы попросили ее позвать Федю, сказала:

— Ступайте сами. Знаю, что вы к нему. Вон, в правом боксе ваш Федя.

И вот второй раз в жизни мы прошли под широкой аркой ворот и вступили в просторный двор гаража. Первый раз мы были здесь три с лишним года назад, но почти ничего не изменилось с тех пор, только ворота бывших денников, видимо, были недавно покрашены в ярко-красный цвет да вдоль глухой стены еще росли тонкие молодые березки. Почти на прутках веток были совсем маленькие, со спичечную головку. Тут же ровным строем стояли самосвалы, их темные железные кузова были выше березок.

Мы шли по двору гаража. Быстро деловой походкой сновали мимо люди в промасленных комбинезонах и спецовках, и никто не обращал на нас внимания. Где-то за воротами денников работали моторы, слышались дребезжащие удары по тонкому листовому железу, и пахло маслом, бензином и выхлопными газами.

— В кузницу заглянем? — хрипло спросил Кирка.

Я только кивнул в ответ, и мы направились к отдельно стоящему кирпичному сараю. Из-за железных дверей не слышно было тяжелых ухающих ударов, так памятных мне, но доносился тонкий тягучий вой. Я взялся за скобу и с усилием отворил тяжелую дверь.

Горели под беленым потолком большие яркие лампы, и не было никакого горна, и не было наковальни. Вместо них возле стен стояли длинные токарные станки. Спичкой к нам, наклонившись над одним станком, работал человек в клетчатой рубашке и серой кепке. Станок тоненько и протяжно подвывал, как комар в тесном помещении. Человек плавно вертел блестящую рукоятку и не слышал, как открылась дверь. Мы на цыпочках подошли к станку.

Бешено вращалась круглая блестящая болванка. Черный резец медленно полз вдоль нее, и с его грани тоже медленно, завиваясь пружиной, сползала стружка, которая на глазах темнела, становилась вороненого цвета. Сделав десяток витков, стружка сама отламывалась со звонким щелчком и падала вниз, в железное корыто под станком. И в воздухе, наполненном комариным жужжанием, пахло горячим металлом. Мы с Киркой стояли и смотрели на вращающуюся сверкающую болванку, на сияющую витую стружку и позабыли про все на свете.

Резец дошел до конца болванки, токарь отвел его, вращая рукоятку, и выключил станок. Блестящий стальной линейкой он смерил длину болванки и тут заметил нас.

— А вы как сюда попали? — спросил он, кладя линейку на железный столик возле станка. Лицо у него было худощавое, глаза строгие. На жилистой шее спереди темнело несколько свежих ссадин, будто кто-то оцарапал токаря.

— Ну, что молчите? — строго спросил он, и я заметил, как он гасит улыбку в уголках рта, и сразу понял, что строгость эта притворная.

— Да мы просто так, посмотреть, — смущенно ответил Кирка.

— А как в гараж попали?

— Мы к Федору пришли, — сказал я.

— К Семенову, да?

— Да, — кивнул я.

— А, так это вы и есть мотоциклисты? Говорил Федя про вас. Ну что, нравится станок? — токарь наконец улыбнулся.

— Да, — ответил Кирка. — Здорово стружка вьется. Вот деревянная стружка почему-то так не завивается, хоть сырую березу точишь.

— Зато деревянная стружка так не кусается, — сказал токарь и показал пальцем на ссадины на шее. — А ты что, можешь точить по дереву? — недоверчиво спросил он у Кирки.

— Может, — подтвердил я. — У нас даже станок есть, правда, старинный, педальный.

— А где научился?

— Отец столяром работал до войны, — сказал Кирка.

— Жив? — коротко спросил токарь.

Кирка только понурил голову.

— Да-а, — вздохнул токарь и достал папиросу. — А вот я и в Сталинграде был, и до Эльбы дошагал, а сын — в первые дни...

Мы помолчали. Потом токарь сказал:

— Ну, давайте знакомиться. Меня зовут Сергей Степанович. А вас?

— Меня — Кирилл, а его — Валентин, — ткнул в меня пальцем Кирка.

— А в каком вы классе?

— Седьмой кончаем, — ответил я.

— Ну и как отметки? — прищурился Сергей Степанович.

— Так, средние, — пожал я плечом.

— А что дальше будете делать? В техникум, в ФЗО или в восьмой класс?

Я не знал, что ответить, а рассказывать про летнюю спешку не хотелось, чего уж вспоминать о прошедшем. А Кирка так и сказал:

— Не знаем, — и добавил со вздохом: — Наверное, в восьмой класс придется.

— А что, неохота? — с улыбкой спросил Сергей Степанович.

— Да не-ет, — неуверенно протянул я.

— Вижу, что неохота. Семиклассники все считают себя учениками, почти как академики. Только потом, когда взрослеют, начинают понимать, что мало учились, — Сергей Степанович взял со столика кривой тонкий резец, оглядел его внимательно, вставил в держатель на станке, подложил под него плоскую металлическую пластинку и стал закреплять болтами. Когда болты уперлись в тело резца и уже не вращались от усилия пальцев, он взял ключ с длинной рукояткой и, накинув его на квадратные головки болтов, затянул их. Потом, быстро взглянув на нас, вдруг сказал:

— А то идите ко мне в ученики. Будете через год токарями, а учиться можно и в вечерней школе. Паспорта уже есть?

— Еще нет, — сказал я. — Вот у него будет в августе, а у меня — в сентябре.

— Ну что, как раз сдадите экзамены за се-

милетку, отдохнете и с осени начнете. А? — Сергей Степанович шутиливо смотрел на нас и, казалось, поддразнивал.

— Надо дома посоветоваться, — сказал Кирка.

— Конечно, конечно. Скажите матерям, что работа хорошая, чистая, — он усмехнулся. — И вообще, токарь — это основная профессия. Без токаря ни автомобиль, ни орудие не сделаешь. Вот, что это за деталь? — Сергей Степанович кивком головы указал на заготовку, зажатую в патроне станка.

Я посмотрел. Ровная, не очень толстая, гладко обточенная стальная палочка сантиметров пятнадцать длиной. И сказал:

— Валик, наверное, какой-то.

— Хо, правильно почти. Только валиком называют деталь покрупнее, а это — рессорный палец. Вот сейчас отрежу и прямо в дело пойдет, только канал еще под смазку надо прошерстить. А без этого пальца автомобиль стоять будет. Да что палец, на этом станочке, если настоящий специалист, можно сделать все: мотоцикл, патефон и мясорубку. — Сергей Степанович ласково похлопал по серой крышке коробики станка. — Так что подумайте. А теперь топайте к своему Феде. Еще будете, так заходите. — Он включил станок и, отвернувшись от нас, склонился над деталью.

Федю мы разыскали в смотровой яме. Сдвинув до глаз красный женский берет, во многих местах запачканный мазутом, он подтягивал какие-то гайки под брюхом большого «студебеккера». Мы присели на корточки возле огромного, остро пахнущего горячей резиной заднего колеса грузовика и смотрели, как Федя стоит в смотровой яме, облицованной белыми плитками, в которых отражаются лампы в зашпательных колпаках. Яма до краев была словно залита белым сверкающим светом, а мы сидели в тени, и все было хорошо видно. Федя, подняв лицо и руки, быстро заворачивал гайки, только мелькали маслянисто поблескивающие ключи в его темных руках, а комбинезон лоснился, как будто был сшит из хорошего черного хрома. И мне вдруг захотелось туда, в эту яму, наполненную белым светом, и стоять там — высокому, сильному, с веселыми и отчаянными глазами, — чтобы гаечные ключи мелькали в ловких, пропитанных смазкой руках. Мне так захотелось этого, как хотелось в войну хлеба. Я сидел на корточках на краю наполненной светом смотровой ямы, а внутри у меня ныло, почти как от голода. И Кирка сказал мне тихо:

— Давай слазаем туда.

И я кивнул ему, не отводя взгляда от Фединых рук и лица. И Федя в этот момент заметил нас, улыбнулся и помахал ключом, зажатым в кулаке. Я подлез под «студебеккер» и прыгнул в яму, а за мной прыгнул Кирка.

— Привет, мотоциклисты! — сказал Федя. — Свечу принесли?

— Принесли, — Кирка достал из кармана завернутую в газету свечу и протянул Феде. Он

положил ключ на край ямы, взял свечу и сунул в карман комбинезона.

— Вот в свободное время зазор проверю на электродах и почищу. А после экзаменов верну — уговорились?

— Уговорились, — сказал я. Нисколько мне уже не было жаль, что целый месяц не придется кататься.

— А отверстие в цилиндре заглушили? — спросил Федя.

— Нет, а зачем?

— Как зачем? Вдруг туда попадет железка какая-нибудь. Потом заведете, и цилиндр накрылся. Там все размолотит. Придете домой и сразу плотно заткните тряпочкой, только сначала залейте граммов тридцать автола, пусть затянет стенки, чтобы ржавчиной не съело. Ясно?

— Ясно, — сказал я и спросил: — А что ты делаешь?

— Карданные болты подтягиваю. Правильнее — болты фланца кардана; карданный вал все время вращается, передает усилие от ко-

робки на задний мост. Ну, гайки потихоньку отходят, хоть под ними и шайбы разжимные подложены. Поэтому нужно регулярно проверять болты и подтягивать, если нужно. А то где-нибудь на дороге кардан отлетит. Все понятно?

Я молча кивнул, потому что понял. В то время мы с Киркой уже прочли столько книг про автомобили и мотоциклы, что почти не путались в названиях разных частей и представляли себе, что такое кардан.

— Не вышел сегодня слесарь, а машину из-за пустяка не оставишь стоять. Вот подтяну и пошабашим.

— А на автомобиле ездить все-таки лучше, — сказал Кирка.

Мы знали, что Федя работает в гараже механиком, но считали шоферскую работу интереснее.

— Работать надо там, где ты нужнее, — ответил Федя.

— А трудно научиться ездить на автомобиле? — спросил я.

— Научиться ездить легко, а вот стать на-

стоящим шофером трудно. Автомобиль ведь машина умная: по прямой — и за руль держать не надо, — сама пойдет. Так что привыкнуть выткать скорости и вертеть баранку да на газ давить — это не трудно. А вот суметь проехать везде, где возможно и даже где невозможно, и еще при этом взять самый тяжелый груз — для этого нужно быть настоящим шофером, — Федя затянул последний болтик, и мы поднялись наверх. Поднимались по ступенькам в конце ямы: Федя шел последним и, щелкнув выключателем, погасил свет.

— Машина готова, можешь путевку подписать, — сказал он пожилому человеку, поправшемуся навстречу.

— Спасибо, выручил, — ответил человек и спросил с улыбкой: — А это что за помощники?

— Это моя бригада, — ответил Федя серьезно. — Вот научатся слесарить, а через год-два и за руль сядут.

— Хорошо, — сказал человек, — нам смена нужна. Машины будут новые, и шоферы нужны молодые, — он поправил очки, кивнул на прощание головой и пошел в глубь гаража.

— Вот этот человек всю блокаду возил через Ладогу грузы, подо льдом побывал, а однажды с осколком в плече, весь в крови, привел машину в Ваганово, — сказал Федя, и обычная улыбка сбегала с его лица.

Мы обернулись, чтобы еще раз увидеть пожилого шофера, но он уже скрылся за машинами.

— Обождите на улице, я умоюсь, переоденусь и пройдемся немного, — велел Федя.

И мы с Киркой вышли со двора гаража и стояли у ворот.

— Тебе какие больше нравятся, грузовые или легковушки?

— Мне все машины нравятся, — горячо отозвался Кирка и добавил мечтательно: — Эх, научиться бы ездить.

А потом шли втроем по вечерним улицам — мы по бокам, а Федя в середине. Шли не спеша, как взрослые, и разговаривали. Когда пересекли нашу улицу, где-то сбоку мелькнуло и проплыло удивленное с вытаращенными глазами лицо Вовки Земскова, но я даже не поздоровался с ним, скользнул так взглядом, будто по пустому месту.

Время экзаменов подошло как-то неожиданно, хотя мы с Киркой ждали его, готовились, но все равно первый экзамен — изложение — застал нас как бы врасплох. Потому что несколько дней назад кончились занятия, и за эти дни, наполненные суматошной зубрежкой, подтягиванием хвостов, мы как-то немного ошалели и уже не соображали, что готовимся к экзаменам — подготовка стала самоцелью. К изложению мы не готовились, знали, что напишем и так, а вот на физику, алгебру и особенно геометрию нажимали. А всего нам предстояло

сдать одиннадцать экзаменов, но опыт у нас уже был, потому что, начиная с четвертого класса, мы каждый год сдавали по четыре — пять экзаменов.

И вот наступило двадцатое мая, и мы пришли на изложение, сели за парты в чужом классе. Нам выдали листки из тетрадей, помеченные школьным штампом, и прочли текст.

Кирка слушал, низко опустив голову, уставясь глазами в доску парты. Потом взглянул на меня и обматнул перо в чернильницу. Он уже написал целую строчку, а я все сидел и бездумно смотрел в широкое классное окно на фасад противоположного дома, а потом вдруг спохватился: «Чего это я сижу, как в гостях?» — схватил ручку и принялся писать. И обогнал Кирку. Он еще только проверял свое изложение, а я сидел и ждал, чтобы нам вместе сдать и выйти из класса.

Так прошел первый экзамен, а говорят же: лиха беда — начало. А потом мы втянулись, и даже какой-то спортивный интерес появился. Словом, сдавали мы удачно.

После каждого экзамена мы шли к Феде в гараж, — этот день у нас с Киркой по давней традиции считался днем отдыха. Пожилая вахтерша уже привыкла к нам и пропускала, ничего не спрашивая. Мы заставляли Федю обычно в смотровой яме — вообще-то она называлась «смотровая канава», но все шоферы говорили попросту «яма», — он осматривал машины, которые возвращались с линии, а потом помечал на специальных листках, какой им нужно сделать ремонт. Завидев нас, Федя поднимался из ямы, стаскивал с головы красный с пятнами мазута берет и спрашивал:

— Ну как, не забуксовали?

У нас как-то так получалось, что если мне ставили «пятерку», то Кирке «четверку», или наоборот.

Федя расспрашивал, что попало в билет, а потом хвалил:

— Молодцы, по-нашему, по-шоферски. Шофер каждый день сдает экзамен, и всегда должен знать на «пятерку».

— Как это? — один раз спросил я, потому что не понимал, о чем говорит Федя.

— Тебе приятно сдать на «пятерку» экзамен? — спросил он.

— Конечно, — ответил я.

— Ну вот, шоферу тоже приятно. Только он не имеет права на другую отметку. Ездить на «тройку» нельзя — рано или поздно разобьешь машину, растеряешь груз или наедешь на человека. Теперь понял?

— Да, — сказал я, — теперь понял. И мне еще больше захотелось стать шофером. И на экзаменах по геометрии я не плавал, хотя задача попалась трудная. Я как раз не любил задачи на построение, но с этой справился. Правда, до этого мы с Киркой перерешали, наверное, штук тридцать таких задач, он-то щелкал их, как орехи.

А потом был торжественный вечер, ведь седьмой класс считался выпускным. Директор школы сказал речь, пожелал нам всем и дальше учиться так же хорошо, каждому вручил аттестат и пожал руку. После этого начались танцы, даже девочек из соседней школы пригласили, и Надька Мухина тоже пришла. Но мы с Киркой на танцы не остались, у нас было занятие поинтереснее. Прямо с аттестатами мы помчались в гараж.

Успели как раз вовремя: Федя уже умылся, переоделся и собирался уходить.

— Ну, хвалитесь, — сказал он со своей обычной ушмешкой, и мы подали ему аттестаты. У меня было пять «четверок», а у Кирки — всего три, остальные «пятерки».

Федя развернул скрученные в трубку листы плотной бумаги, долго рассматривал, улыбаясь. А мы стояли и ждали, что он скажет. И в это время подошел токарь Сергей Степанович, тоже одетый в чистую рубашку и аккуратный пиджак. Он поздоровался с нами, как со старыми знакомыми, и сказал Феде:

— Пошли, Семенов, пивом угощу.

— Нет, спасибо, Степаныч. Вот, посмотри, как моя бригада семилетку закончила. По первому классу, — Федя протянул токарю наши аттестаты.

Сергей Степанович бережно принял их и долго рассматривал.

— Молодцы, — сказал он. — А в ученики ко мне еще не надумали?

— Ну, это ты брось, Степаныч. Они шоферами будут, — сказал Федя и добавил, улыбаясь: — Ты мою бригаду не переманивай.

— Ладно, не буду. Ну, всего хорошего, — Сергей Степанович пожал нам руки и пошел к выходу.

— Сейчас свечу отдам. Приведите свою машину в порядок. В воскресенье на рыбалку поедем, — сказал Федя.

Мы чуть не запрыгали от радости.

И началось наше летнее житье.

Мы ездили с Федей на озеро Разлив, на речку Саблинку. Варили уху на костерке. И хоть рыбешка попадалась нам мелкая, но уха получалась замечательная — чуть пахнувшая дымом и наваристой. Солнце большим красным колесом скатывалось за дальние леса, и прибрежные кусты давали длинные лохматые тени, стихал ветер, вода становилась розовой, умолкали птицы; наступал короткий миг неподвижности всей природы и глубокой тишины, и наши ложки застывали над закопченными котелком с ухой, потому что никто не хотел нарушать этот короткий предвечерний покой. А как только солнце скрывалось, сразу просыпался ветер, и кусты и ближние сосны приходили в движение.

Мы быстро дочерпывали уху, гасили головешки, оставшиеся от костерка, кто-нибудь мыл котелок, надраивал его до блеска песком, потом отправлялись в обратный путь.

Славно было ехать по пустынным вечерне-

му шоссе. Федя пропускал нас вперед, а сам ехал позади. Согласно жужжали моторы наших машин, повороты плавно наклоняли нас набок, и вся дорога, от обочины до обочины, была наполнена сизовато-молочными сумерками, после которых сразу наступает белая ночь; и мне казалось, что мы не едем, а летим над асфальтом, и было так хорошо на душе, что хотелось петь песни, не обращая внимания на тугой ветер, бивший в лицо.

Но в такие поездки мы отправлялись только по выходным, а в будни мы, как на работу, приходили в гараж. Иногда помогали Феде заполнять путевые листы на завтрашний день. Нужно было аккуратно вписать в графу фамилию шофера и номер автомобиля. А когда машины начинали возвращаться в гараж, мы вместе с Федей спускались в яму и тоже осматривали машины, вернее, осматривал-то он и объяснял нам, где какая неисправность, а мы слушали и старались запомнить. Мы с Киркой принесли из дому по старой рубашке и брюкам и вешали их в Федин шкафчик со спецодеждой. Слесари и шоферы в гараже уже привыкли к нам и здоровались, как со старыми знакомыми. А в обеденный перерыв Федя вместе с нами садился в кабину какого-нибудь стоящего грузовика и показывал, как выжимать сцепление и переключать скорости, и мы с Киркой потом долго тренировались. Мотор машины не работал, но все равно казалось, что мы едем по-настоящему, и тяжелый грузовик слушается каждого поворота руля. И мы уже знали любой рычаг, всякую кнопку на щитке автомобиля.

День в гараже проходил так незаметно и быстро, что мы всегда огорчались, когда Федя командовал:

— Шабаш! Умывайся.

Вместе со всеми слесарями мы умывались над длинным жестяным лотком в раздевалке, переодевались в чистые рубахи и брюки. Мы заводили свой вело-мото, а Федя, как обычно, ехал позади.

Дорога от гаража до Фединого дома была короткой. Он жил на широкой и тихой улице возле Таврического сада. Улица носила странное название — Парадная. Вернее, нам это название казалось странным, потому что ничего парадного в ней не было, — желтые дома с простыми фасадами по одной стороне и похожие на казармы дома за узким сквериком по другой стороне. Но Федя объяснил, что раньше, еще при Петре Первом, здесь были казармы гвардейского Преображенского полка, а на улицу выходил широкий плац, на котором проводились строевые занятия и парады. Вот с тех пор улица и называется Парадной. По ней совсем почти не ходили машины, и прохожие попадались редко, так что можно было ничего не опасаться и вволю поездить по гладкому асфальту. Здесь Федя учил нас трудным поворотам, наклонной и гоночной посадке на мотоцикле. Особенно нам нравилась «боевой разворот», — нужно было дать хороший разгон, быстро отпустить рукоятку газа, выключить сцеп-

ление и сразу нажать на педаль заднего тормоза до заноса, сильно наклонить машину влево, опираясь левой ногой об асфальт. Заднее колесо скользило вправо, а машина резко разворачивалась почти на сто восемьдесят градусов, и тут нужно было успеть выравнять ее поворот руля и корпусом, включить сцепление и дать газ... Это был лихой разворот, им пользовались гошники и военные мотоциклисты, и Федя говорил, что таким разворотом можно избежать столкновения с неожиданным препятствием. Правда, у меня этот поворот получался хуже, чем у Кири, — не хватало веса, чтобы телом хорошо управлять машиной.

А время шло незаметно. Дни казались длинными потому, что были наполнены тренировками в гараже, ездой на вело-мото, чтением учебника шофера третьего класса. Да, дни были длинными, а вот месяцы проходили быстро. Мы и оглянуться не успели, как промелькнул июль. И, выезжая за город, мы уже брали с собой лохматую молодую картошку, тонкие веточки укропа для заправки ухи.

В середине августа случилось важное событие.

Был обеденный перерыв в гараже. Слесари играли в домино за грубо сколоченным столом в углу гаражного двора, и от их ударов костяшками вздрагивали огнетушители и ведра на пожарном красном щите.

Мы с Киркой, как обычно, сидели в кабине грузовика и тренировались, переключали скорости, нажимали на педали и воображали, что едем. Я как раз сидел за рулем, а Кирка — рядом. Мы так увлеклись, что не заметили, как подошел Федя. Он открыл дверцу с Кириной стороны и сказал:

— Ну-ка, Кирилл, пусти меня в серединку.

Кирка вылез на подножку, и Федя сел рядом со мной, потом сел и Кирка.

— Захлопни дверь покрепче, — сказал ему Федя и, вынув из кармана комбинезона ключ зажигания на тонкой медной цепочке, дал его мне. — На, заводи.

Я держал на ладони желтенький зубчатый ключик и огороченно смотрел то на Федю, то на Кирку.

— Ну, заводи. Или не знаешь, как это делается? — без улыбки сказал Федя.

Когда я сунул ключ в замок зажигания, то чувствовал, что рука моя дрожит, но я сразу попал в скважину и повернул ключ вправо. А дальше все уже было привычным. Я столько раз делал все это на машине с выключенным зажиганием, что все получилось само собой. Нога легла на рубчатую педальку стартера, правая рука проверила, в нейтральном ли положении находится рычаг перемены передач, левая рука легла на руль. Я нажал на стартер и одновременно пяткой придавил чуть-чуть педаль газа. Мотор завелся сразу и заработал ровно и тихо на холостых оборотах, и я облегченно вздохнул.

— Трогай потихоньку и, никуда не сворачивая, поезжай на первой передаче до конца двора. Там заранее сбросишь газ и плавно затормозишь, понятно? И не бойся — я рядом, — негромко и спокойно сказал Федя.

Я только молча кивнул в ответ, выжал педаль сцепления и включил первую скорость. Рычаг вошел мягко, и в коробке не скрипнула ни одна шестеренка.

Я снял машину с ручного тормоза и чуть нажал на педаль газа, потихоньку отпуская сцепление...

Медленно проплывали сбоку красные ворота боксов, слесари прервали игру и смотрели, как идет машина. Федя и Кирка молчали, а у меня внутри, где-то возле живота затвердела холодная льдинка, и холодно было лицу и шее, хотя день был теплый и солнечный... Машина шла вперед по двору гаража; пусть шла она медленно, но руль держал я, и моя нога лежала на педали газа.

— Вот, пора скидывать газ, — сказал тихо Федя, и я перенес ногу на педаль тормоза, а левой приготовился выжать сцепление.

— Можно, — сказал Федя, и я затормозил. Машина дернулась только чуть-чуть. Я выключил скорость, потянул за рукоятку ручного тормоза и убрал ноги с педалей.

— Нормально, вот так и надо. Главное, не торопиться, не дергаться. Ну, пусти, развернусь, и поедет Кирилл, — сказал Федя. Я вылез из кабины и обошел машину.

Кирка проехал лучше меня, при торможении у него машина остановилась плавно-плавно; я даже не заметил, когда он начал тормозить.

Через неделю Федя уже позволил нам делать повороты. Это, конечно, было потруднее, чем ехать по прямой. Ведь прямо машина идет сама, можно даже за руль не держать, а чтобы сделать поворот, нужно рассчитать, хватит ли места, не очень ли большая скорость. Так мы учились ездить на автомобиле. И первое сентября наступило совсем неожиданно. Обычно каникулы успевают надоесть и начала занятий ждешь с нетерпением, а в этом году было другоему.

Но в класс, свежий после ремонта, мы пришли с какой-то уверенностью, что и учиться будем теперь по-новому. Мы даже до этого поговорили с Киркой, что было бы здорово весь год получать такие отметки, как на экзаменах за седьмой класс. Вообще-то, когда хорошо учишься, то чувствуешь себя увереннее.

В классе недовостало нескольких человек; кто поступил в техникум, кто — в Арктическое морское училище, и у меня появилась легкая грусть оттого, что нам с Киркой не удалось осуществить свои планы о летной спецшколе. Но грусть прошла быстро, потому что все и так сложилось хорошо. Мы ведь уже решили с Киркой, что после восьмого класса, когда нам исполнится по шестнадцать, поступим в гараж учениками и перейдем в вечернюю школу.

И классная руководительница Вера Васильевна встретила нас хорошо — ведь на экзаменах мы удивили всех. Она даже сказала на первом классном собрании:

— Ну, Серов и Синицын, надеюсь, что вы будете хорошо учиться в этом году.

И мы действительно старались, ведь было бы стыдно перед Федей за посредственные отметки, а потом все равно: чтобы кое-как приготовить уроки, тоже нужно время. Так уж лучше делать хорошо. Только после прошлогодних экзаменов я понял, что получать хилые «троечки» унизибельно.

Словом, все шло хорошо. Сентябрь выдался ясный и теплый. Приготовив уроки на завтрашний день, мы сели на вело-мото и ехали в гараж. Нам уже доверяли выгонять машины из боксов во двор или пригонять их с площадки на ремонт. Слесарь или Федя говорили нам номер машины, и мы разыскивали ее во дворе, садились в кабину, заводили двигатель и медленно ехали до ворот ремзоны, потом осторожно, стараясь, чтобы передние крылья прошли на одинаковом расстоянии от стен арки, заез-

жали в ворота. Это было трудно, но мы постепенно научились. Вот только въехать на смотровую яму мы не могли. Нужно было очень точно и прямо держать руль, чтобы правые и левые колеса попали на узкие дорожки по краям ямы. Слесари и Федя делали это почти не глядя вперед, а в ремзоне, заставленной машинами, было тесно. И мне всегда казалось каким-то фокусом это умение провести машину так, чтобы не задеть крыльями другие. Иной раз, когда проезжал Федя, между бортами машин нельзя было просунуть ладонь. У меня даже дух захватывало. И не верилось, что мы с Киркой когда-нибудь научимся ездить так же здорово.

Федя обещал, что скоро даст нам прокатиться где-нибудь на широкой и тихой улице, и мы с нетерпением ждали этого дня. Но с расспросами не приставали. Гараж научил нас сдержанности. Помню, раньше, если мать мне что-нибудь обещала, я изнывал от ожидания и все приставал к ней с вопросами, когда да когда, а теперь я научился терпеливо ждать. И потом, Федя был таким человеком, который всегда вы-

полняет свои обещания. Мы так сдружились с ним за эти месяцы, что казалось, будто никогда не расставались со времен аэроостанной команды в церковном сквере. Мы, конечно, чувствовали разницу в возрасте, но это только больше притягивало нас с Киркой к Феде. Он был нам, как старший брат.

Однажды мы провожали его домой после работы. Был сероватый свежий вечер, и порывистый ветер подбрасывал над уличным асфальтом пригоршни бурых и желтых листьев, сорванных в окрестных скверах и садах.

— Ну что, парни, позанимаетесь со мной? — вдруг спросил Федя. — Решил в техникум поступать на будущий год.

— Конечно, — в один голос откликнулись мы с Киркой.

— Значит, договорились. А то я все подзабыл за семь лет, — Федя смущенно улыбнулся. — Вот, глядишь, и научимся чему-нибудь друг у друга. Только смотрите, чтобы в школе все было нормально.

— Будет, — сказал Кирка. — Мы теперь не такие дураки.

— Отлично. А у меня новость есть, — Федя лукаво поглядел сначала на меня, потом — на Кирку.

— Какая? — не выдержал я.

Федя помолчал, улыбался, и потом сказал:

— Завтра поедем за новой резиной в автонаб. Приходите сразу после уроков. Где-нибудь на тихой улице дам за руль подержаться.

— Ура! — заорал я.

На завтра, не заноса портфелей домой, мы помчались в гараж. На Феде была знакомая брезентовая куртка, которую он носил весной и осенью. Встретил он нас улыбой.

— Вот, хорошо, вовремя пришли. Нам вообще-то к четырем, не раньше, нужно на склад, я звонил, узнавал. Так что успеем прокатиться. Садитесь, я — сейчас, — он показал нам чисто вымытый ЗИС-5.

Мы с Киркой влезли в кабину, через минуту пришел Федя и сел за руль. Открылись ворота гаража, и мы тронулись в путь.

Есть в районе Смольного квартал, образованный тихими, мощенными булыжником улочками. Кое-где старые тополя с еще зеленой, но по-осеннему усохшей листвой заглядывают здесь в окна старых домов, в трещины серых тротуарных плит растет короткая жесткая трава. Здесь мало прохожих, а машины ездят совсем редко — им нечего делать на этих коротких тихих улицах, потому что параллельно проходят улицы пошире и покрытые асфальтом.

Вот сюда и привез нас Федя. Он объехал вокруг квартала, остановил машину возле тротуара и сказал спокойно, но строго:

— Вот, по этому маршруту один круг — ты, другой — ты. Не гнать, в руль не вцепляться. По гаражу ездить на первой и второй передаче — одно дело, а здесь — другое. Держали когда-нибудь голубя в руках?

— Нет, — ответил я.

— У нас на улице голубей не водили, — сказал Кирка.

— Ну, вот, руль, как голубь, будешь держать слабо — улетишь, будешь сжимать — задушишь. Значит, так, трогаемся со второй, потом небольшой разгон; переходим на третью передачу, и опять разгон и — четвертая, ясно? — Федя серьезно, без улыбки посмотрел на нас.

— Да все понятно, — ответил я и заерзал на сидении; мне не терпелось поскорее сесть за руль.

— Не торопись, торопыга, — Федя вытащил ключ из замка зажигания и подкинул на ладони. — Дальше. Подъезжаем к повороту, сбрасываем газ, выключаем скорость, притормаживаем, делаем поворот, потом — прогазовку, включаем третью передачу и снова даем разгон. Вот так, теперь все. Если я скажу: «Брось газ», значит, сразу убираете ногу с педали. Давай садись, — кивнул он Кирке.

Кирка вылез, обошел машину и сел за руль, а Федя придвинулся ко мне. Кирка достал свой ключ зажигания, — мы оба уже обзавелись такими ключами, как настоящие шоферы. Он захлопнул дверцу, завел мотор, выглянул в оконце и тронулся с места.

Я смотрел, как лежат на руле Киркины руки, иногда глядел вперед на булыжную мостовую, и какая-то рассеянность овладевала мной. Я следил за дорогой и за тем, как Кирка переключает скорости и делает повороты, но ни о чем не думал, все больше погружаясь в эту свою рассеянность. Будто я вовсе и не находился здесь, в тесной кабине грузовика ЗИС-5, а был где-то далеко-далеко, где на ветреных перекрестках вспыхивают и гаснут огни светофоров и с рокотом проходят потоки машин, а солнце бьет в лобовые стекла грузовиков, и в одном из грузовиков за рулем сижу я — только уже не теперешний восьмиклассник, а взрослый. И ровно гудит мотор, послушен руль в моих руках, и я еду по прямым и широким улицам моего родного города...

— Молодец, — сказал Федя. — Теперь выключи скорость и накатом подъезди к поребрику, выравняй машину и затормози.

И Кирка четко выполнил все эти указания и остановил машину как раз на том месте, откуда тронулся вокруг квартала.

— Ну, давай, Валя, — сказал Федя. И мы с Киркой поменялись местами.

Как только я взялся за руль, рассеянность сразу пропала, но где-то в спине между лопаток появилась мелкая тихая дрожь. Я напряг спину, сунул ключ в замок зажигания и нажал на педаль стартера.

— Не волнуйся, я — рядом, — тихо сказал Федя.

Моя правая рука сама нашла рычаг переключения скоростей, нога выжала педаль сцепления и дальше уже, казалось, не я, а кто-то другой тронул машину с места, дал небольшой разгон, плавно переключился на третью

скорость, потом — на четвертую... Я только держал руки на руле и смотрел, как навстречу бежит под колеса чистая булыжная мостовая, да слушал работу мотора. Ускользали назад окна домов и деревья, мелькали лица редких прохожих, и мне дышалось легко и глубоко. Приятно было чувствовать упругость руля на поворотах, уютно входил в ладонь шарик рукоятки от рычага коробки скоростей. И я не заметил, как объехал квартал, и Федя велел остановиться. Я заглушил мотор, и мы посидели несколько минут молча, а потом Федя сказал: — Будут из вас шоферы.

Если по-честному, — я трусил.

В тесных помещениях беспокойство и страх всегда сильнее, чем на просторе. Наверное, этим чувствам просто некуда улетучиться. А здесь комната была небольшой. Даже не комната, а короткий коридор, где вдоль стен стояли жесткие стулья с вытершейся до белизны клеенкой на сидениях. Между ними оставался неширокий проход, и в конце — высокое окно, через которое не очень щедро светило солнце.

На стульях сидели разные люди: молодые парни, мужчины средних лет и совсем пожилые. Все молчали, застыв в каких-то выжидательных позах, и на их лицах тоже не было заметно особенной храбрости. Многие курили; воздух был сумрачным, и лица казались серыми.

Я покосился на Кирку, сидящего рядом. Он не боялся, — я понял это сразу. Кирка, когда волнуется или бонится, прикусывает свою толстую нижнюю губу, а сейчас губа у него отвисла, и он, облокотившись на колени и подперев кулаками подбородок, неподвижным взглядом уставился на белую конопатую дверь со стеклянной синей табличкой, на которой было всего одно слово. И потому ли, что дверь давно нуждалась в окраске, а табличка была новенькой и блестящей, от этого слова веяло тревожным холодом: КОМИССИЯ.

Справа, поперечным коридором деловито проходили люди, большинство было в милицмейской форме. И никто не смотрел в нашу сторону.

Мы уже полчаса ждали здесь, а дверь с табличкой все не открывалась. Но я уже не мог больше сидеть на одном месте, поднялся и прошел к окну. Там стоял старый канцелярский стол с фанерной столешницей, закапанной чернилами. Коричневая пластмассовая «непроливайка» покрывалась пылью, а перо в обгрызенной ученической ручке было ржавым.

Я поглядел в окно.

С высоты второго этажа знакомая Коношениная площадь казалась необычно просторной. Я столько раз проходил по ней и никогда не замечал, что она такая большая. Солнце освещало чуть выпуклую мостовую из серой брусчатки, поблескивало в наезженных трамвайных рельсах, отражалось в стеклах «Побед», стоявших на той стороне возле таксо-

торного парка. Я знал, что слева, за каналом Грибоедова — Михайловский сад. Старые деревья чуть слышно шелестят свежей, еще совсем мелкой листвой, и безлюдно на аллеях в этот утренний час. И мне так захотелось на тихие дорожки, посыпанные крупным бурым песком, и брести по ним, шурясь от лучей, пробивающихся сквозь негустые кроны лип и тополей.

Почему-то всегда хочется того, что невозможно сейчас.

Я вздохнул и перестал смотреть в окно. И взгляд снова упал на закапанную чернилами столешницу. Я заметил полустертые надписи, наклонившись, старался разобрать их.

«Все пропало», — сообщали корявые печатные буквы у края стола. «Погорел, 12/5/50. А. Шеглов», — увидел я между двумя жирными кляксами. Надпись была совсем свежей и четкой, чернила отливали вороненой сталью.

Мне стало не по себе. Этот А. Шеглов был здесь всего месяц назад. Он, наверное, также смотрел в окно и видел Коношениную площадь. Мне стало совсем беспокойно. Я вернулся на место, сел и шепнул Кирке:

— Постоян пойдём на улице.

Кирка только отрицательно мотнул головой.

— Конечно, идите на воздух. Тут от дыма и в голове помутиться может, — сказал пожилой мужчина, сидевший рядом с Киркой. Видимо, он услышал наш шепот. — А вызывать по алфавиту будут. Я уже третий раз, так что знаю, — добавил он сокрушенно и опустил лысоватую голову.

— Иди, я посижу, — сказал Кирка. — Мы оба на «С», так что сразу не вызовут.

Я сбегал по лестнице и, отворив тяжелую дверь с тугой пружиной, вышел на площадь.

Слабый ветер дул со стороны канала и приносил запах старой воды. Стоявший на остановке трамвай, пустой, насквозь просвеченный солнцем, тихо тронулся с места, прошел через мост и, скрежетнув на повороте, скрылся. И на площади установилась необычная тишина. Будто все эти «Победы», красные бензоколонки, киоск газированной воды у входа в автопарк тоже чего-то ждут, будто что-то должно случиться сейчас.

Откуда-то с улицы Желябова доносились слабые городские шумы, по той стороне проходили люди, но все равно площадь казалась мне пустой и притихшей в недобром ожидании. И когда за спиной отчетливо хлопнула дверца машины, звук этот показался громким и резким. Я повернулся, чувствуя какое-то странное беспокойство.

У второй двери милиции, ближе к переулку, стоял глухой черно-серый фургон. Он стоял чуть наискосок к тротуару, возле самой двери, и солнце играло в его железных боках. Задняя дверца фургона была раскрыта, и подле нее стоял милиционер. Я почему-то пошел к фургону, испытывая все то же чувство странного беспокойства.

Площадь по-прежнему казалась безлюдной

и безмолвной, будто на цветной почтовой открытке. Даже звука своих шагов я не слышал.

Я шел беззвучными шагами и смотрел на небольшой черный прямоугольник, открытый в темное нутро фургона. Прямоугольная дыра зловеще зияла в солнечном утре этого дня. Что-то там поблескивало внутри. Я приблизился и увидал в глубине тускло мерцающую железную решетку и большой черный засов на ней. Остановился и смотрел, и мне вдруг стало казаться, что я уже где-то видел и это темное фургонное нутро, и решетку; я как будто узнавал, но в то же время был уверен, что никогда не видел этого. И тут скрипнула дверь милиции. Это, кажется, был первый звук, раздавшийся на площади. Я повернул голову. Из двери выходил милиционер, потом за его плечом показалось что-то серое и округлое. Милиционер посторонился, придержал тяжелую дверь, и я понял, что серое и округлое — это низко опущенная голова, стриженная наголо. Уши как-то неуместно и слишком заметно торчали по бокам этой головы, понуренной и мотающейся на тонкой слабой шее. Узкоплечий человек, немного выше меня ростом, заложив руки за спину, ссутуляясь и низко наклонив лицо, шел к черной прямоугольной дыре, зияющей в солнечном утре. Поравнявшись со мной, он поднял голову. Мелькнули светлые линялые глаза и тусклое бледное лицо. Человек сразу же опустил голову, будто тонкая шея не могла выдержать ее груз.

Я узнал его! Это был Вовка Земсков.

И тут, словно прорвавшись сквозь невидимую преграду, на меня хлынули городские шумы: шаги прохожих, металлический скрежет трамваев, шелест автомобильных шин. Эти звуки оглушили меня, но самым громким казался стук сердца, которое заколотилось вдруг часто и нервно. Я машинально сделал шаг к фургону, но человек уже вошел в черный прямоугольник дверного проема. Исчезла узкая, искривившаяся и какая-то беспомощная спина, и все. Милиционеры влезли вслед за ним и захлопнули дверцу; фургон сразу тронулся с места. А я стоял и смотрел на маленькое зарешеченное оконце в задней дверце фургона, пока машина не свернула в Коюшенный переулок.

Площадь была наполнена звуками и солнцем, и мне нужно было идти, но я стоял и смотрел в переулок, в котором скрылся фургон черно-серого цвета с тускло мерцающей железной решеткой внутри. Вдруг стало холодно, и я медленно направился к другой двери милиции. Там, на втором этаже, в коридоре меня ждал мой друг Кирка Синицын. Я шел и думал, говорить ли ему о том, что увидел и подумал. И я решил, что скажу сразу.

Я взбежал по лестнице, вошел в короткий боковой коридор и сел на свой стул рядом с Киркой, который все так же, облокотившись на колени и подперев кулаками лицо, смотрел на дверь с табличкой. Я ждал, пока успокоится дыхание, а сам все думал об этом фургоне, в котором только что увезли Земскова, и уже от-

крыл рот, чтобы сказать об этом Кирке, но тут дверь с табличкой отворилась и лейтенант-автоинспектор назвал первые фамилии. И все сразу зашевелились, кто-то кашлянул, кто-то шумно вздохнул; зашестели страницы «Правил движения». Кирка тоже достал из-за пазухи такую же брошюру и стал просматривать. А я знал, что все равно сейчас не смогу сосредоточиться, и не стал доставать свои «Правила», но Кирке решил не мешать.

Лейтенант-автоинспектор называл все новые и новые фамилии, но до нас было еще далеко. Люди как-то суетливо проскальзывали за белую конопатую дверь с табличкой, а когда выходили обратно, то по их лицам можно было узнать, что произошло. Сдавшие экзамен ошалело и счастливо улыбались и твердым шагом уходили из коридора; провалившие были растеряны и подавлены.

Вышел пожилой мужчина, сидевший до этого рядом с нами. Он тихо притворил дверь за собой, грустно взглянул на нас и безнадежно махнул рукой, потом надел плоскую кепку и пошел к выходу.

Я смотрел ему вслед и чувствовал, как потеют ладони и от страха сохнет во рту... Что же будет с нами, если этот опытный старый шофер не смог пересадить?

Я взглянул на Кирку. Он скорчился на стуле, нижняя губа была прикушена так, что даже побелела. И я вдруг представил себе, как мы выйдем отсюда, придавленные неудачей, постариковски шаркая ногами... Нет, я не мог позволить себе думать об этом. Мы не имели права провалиться на этом экзамене, потому что слышком много людей надеялись на нас, верили.

Я встал со стула и подошел к окну.

С высоты второго этажа Коюшенная площадь казалась необычно просторной. Солнце уже ушло вправо, и лишь косые красные лучи освещали фасад и ворота таксомоторного парка, а выпуклая мостовая из квадратной брусчатки была ровного серого цвета.

Неслышно проносились легковые машины, изредка со скрежетом проезжали трамваи. И ничего не напоминало о том, что час назад черной железный фургон с решетками увез отсюда Вовку Земскова.

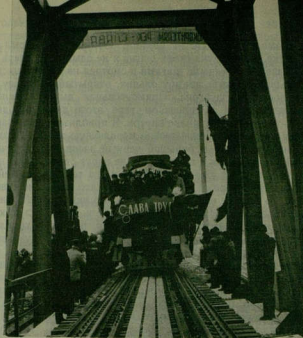
Люди шли по своим делам, был обычный летний день, и слева, за каналом Грибоедова, в мелкой свежей листве стоял Михайловский сад — сад нашего детства. Я представил себе, как сейчас там по аллеям бегут малыши и на скамьях сидят мамы... И вдруг я отчетливо понял, что наше детство кончилось! Что эта дверь с табличкой и есть тот самый поворот, который виделся мне в мечтах. И за этим поворотом начинается наша с Киркой взрослая жизнь.

Я отошел от окна и сел рядом со своим другом. Я хотел рассказать ему о своих мыслях и о том, что видел, как увозили Земскова. Но в это время вышел автоинспектор и назвал наши фамилии.

ОКНО
ПАТИЛЕТНИ

ЗДРАВСТВУЙ, ВОСТОЧНЫЙ!

Фоторепортаж
Ю. МУРАВИНА

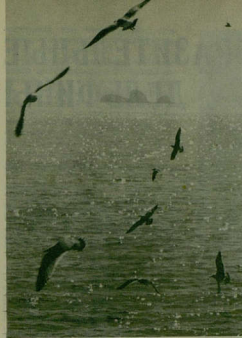
Первый толгсвон движулсь черев новыи мост

На Дальнем Востоке есть бухта Врангеля. В этой бухте, удобной и надежно укрытой от океанских бурь, строится новый порт — самый большой в нашей стране.

Весной 1971 года по комсомольским путевкам съехались в бухту молодые строители из Москвы, Минска, Одессы, Куйбышева, Новосибирска, Владивостока. Они ставили первые палатки. Они строили причалы и мосты, подъездные пути и жилые дома.

И вот первая очередь нового порта вступила в строй. Порт получил имя — Восточный. Он перерабатывает 9 миллионов тонн грузов в год — это значит, что Восточный уже сейчас на втором месте в стране. Но скоро он достигнет полной мощности. На двенадцать километров протянутся его причалы. Ежегодно он будет перерабатывать 30 миллионов тонн грузов.

Но порт Восточный — не только самый большой. Он самый механизированный, самый современный порт страны.

Чайки — прежние хозяева бухты

У Восточного много специальностей. На одном причале, например, перегружаются только контейнеры, на другом — только уголь, на третьем — только древесная щепка.

Строительство порта Восточный показывает, как расширяется наша братская взаимопомощь с социалистическими странами, наше деловое сотрудничество со странами капитализма. Могучие краны типа «Сокол» прислали друзья из Германской Демократической Республики. А японские фирмы поставили мощные перегружатели, балки, металлический шпунт.

Теперь Восточный — главные океанские ворота нашей страны на Дальнем Востоке.

Передовые крановщики
Петр Харитонов
и Николай Горин

Зимой
по льду бухты
скользят тали
мощных
портальных кранов

К порту протянулась железнодорожная ветка.
В последний метр пути вывезают серебряный костюм

ДЕЛЬФИНИЙ ДОМ

В Батуми, на берегу моря стоит необычное сооружение. Оно напоминает одновременно и дом, и корабль, и плавательный бассейн. Но это не корабль, хотя тут много поручней и даже есть иллюминаторы, не плавательный бассейн, хотя сооружение наполнено водой.

Это дом для дельфинов — Батумский дельфинарий.

ЗАЧЕМ ЕГО ПОСТРОИЛИ?

Легче всего было бы ответить так: чтобы показывать экскурсантам дельфинов, устраивать для публики разные дельфиньи представления. Но это не так, хотя, конечно, будет много экскурсий и представлений.

Самое важное — другое. В дельфинарии началась большая научная работа, здесь не только изучают дельфинов, но хотят раскрыть их многочисленные «секреты», хотят, чтобы дельфин стал помощником и другом человека.

А что, если научить дельфина работать почтальоном?

Представьте себе подводный дом на дне моря, где живут и работают ученые. К нему подплывает ручной дельфин и нажимает на кнопку звонка. Дельфина впускают в шахту люка. На спине у животного металлический контейнер с письмами и газетами. «Ну, что там на Большой земле? Как строится БАМ? Какие хоккейные новости?»

А как было бы здорово, если бы дельфин научился собирать в одном месте кости рыб и сторожил их до прихода рыболовного судна?

Подводные помощники нужны и водолазам. Ведь обученный дельфин может показать водолазу затонувшее судно, принести инструменты и приборы.

А разве откажутся океанологи от дельфина-разведчика, которого можно послать в морские глубины, в подводные гроты и ущелья, прикрепив ему на спину различную научную аппаратуру?

ЧТО ТАКОЕ «СЕКРЕТЫ» ДЕЛЬФИНОВ

Загадочное, неясное в поведении и «устройстве» дельфинов много. Хочется выделить три «секрета».

Первый. Секрет дельфиньей скорости.

Давно известно, что дельфин, не прилагая особых усилий, способен развить скорость в 50—70 километров в час. То есть скорость торпедного катера, оснащенного моторами в несколько тысяч лошадиных сил!

Как это ему удается?

Ученые отвечают на этот вопрос по-разному. Некоторые считают, что дельфин умеет управлять своей кожей, создавая на ней бегущие волны-

складки. И этими складками выравнивает струи воды, обтекающие тело. Вода течет по его телу без завихрений и не тормозит движения.

Может быть, и так. Надо проверить. Второе. Секрет дельфиньих переговоров.

Что за звуки издают дельфины, как они между собой переговариваются? Наблюдатели характеризуют эти звуки как свист, двойной свист, щелканье, треск, скрип, похожий на скрип ржавой петли, и пр.

Наблюдая животных в неволе, ученые сумели расшифровать некоторые сигналы, их значение стало теперь понятно. Составлена даже такая примерная таблица:

тонкий писк — «Идите все сюда, я увидел что-то интересное»,
двойной писк — «Скорее на помощь!»,

треск, похожий на постукивание двумя булыжниками под водой, — «Нам грозит опасность!»

Но надо понять все сигналы. Мало того, надо научиться воспроизводить их, чтобы разговаривать с дельфинами по-дельфиньи.

Третье. Секрет дельфиньей локация.

Локация — определение предметов, определение их положения и расстояния до них. Люди делают это глазами, с помощью зрения. Дельфины — с помощью звуков.

Плывет дельфин. Проголодался, ищет, чем бы поживиться. Издал писк — ждет, откуда придет эхо. Эхо пришло с правой стороны — значит, там тоже кто-то плывет, это от него отражается звук. Повернул направо дельфин, все чаще издает писки, все быстрее приходят ответные звуки, сообщая, что расстояние сокращается и добыча недалеко. Еще усилие, и вот уже видят глаза косяк серебристой сельди. Бросок — в челюстях большая рыбина. И снова в погону, снова в поиск.

Но как, издавая тот или иной звук, дельфин распознает, кто отражает посланные им сигналы? Работы здесь непочатый край.

Работы и находок.

СООБРАЗИТЕЛЬНЫЕ ДЕЛЬФИНЫ

А. ШЕВАЛЕВ,
доктор биологических наук

Ум животных, а вернее, их способность производить разумные действия, уже давно интересуют ученых.

Долгое время самыми «умными» считались обезьяны, собаки, лошади. Однако при этом люди забывали о живущих в воде. Близкое знакомство с дельфинами — оно произошло лет двадцать-тридцать назад — опрокинуло подобные представления. Профессор зоологического института в Базеле А. Портман разработал условную шкалу «умственных способностей». На втором месте после обезьяны оказался дельфин...

Вот, например, как мы немножко разобрались в механизме дельфиньего «зрения».

Опыт ставился несколько лет тому назад. Под «бассейн» оборудовали старую, заполненную водой баржу, куда и поселили дельфинов — стаю черноморских белобочек.

Сперва их приучили подходить и получать рыбу по флажку. Как только в воду опускался металлический флажок, дельфины моментально собирались на обед.

Но когда флажок стали опускать за глухой перегородкой, дельфины не могли его обнаружить и не шли получать рыбу.

Потом перегородку сделали не сплошной, а в виде бортовой выгородки, и опять опустили за ней флажок. Дельфины тут же обнаружили флажок и прицелились за рыбой.

В чем секрет? Очевидно, мы имеем дело с еще одной особенностью дельфиньей локация — видения не только с помощью сигналов, идущих по прямой линии, но и с помощью сигналов, которые, отражаясь от различных предметов, проходят сложным, зигзагообразным путем.

С чем это можно сравнить? Представьте себе, что вы попали в пещеру с зеркальными стенами. Не правда ли, в этой пещере вы сможете видеть даже то, что находится от вас за углом, за поворотом, за камнем или колонной?..

ДЛЯ ЧЕГО НУЖНЫ СОТНИ ПИСЕМ?

В Батумский дельфинарий ежемесячно почтальоны приносят десятки писем. Рыбаки, капитаны дальнего и каботажного плавания, курортники, жители приморских сел пишут о встречах с дельфинами. Отвечая нашим добровольным корреспондентам, мы интересуемся даже мельчайшими подробностями этих встреч.

Чем больше будет фактического

материала, тем легче решить волнующую всех проблему, как дельфины относятся к людям.

«1972 год. Около Анапы в ставной невод зашел дельфин. Он наелся досыта рыбы, а выбраться из невода не мог. Утром его обнаружили рыбаки. Они притопили сеть и выпустили животное. Но как же они удивились, когда на следующий день снова увидели в неводе того же дельфина. Самое интересное, что, заметив людей, он точно подплыл к тому месту, где его накануне выпустили. Так продолжалось несколько дней. Кончилось все тем, что рыбаки погрузили проказника на катер и отвезли к ученым, которые содержали в вольерах нескольких дельфинов».

«1967 год. Два отдыхающих в Алуште курортника вышли на моторной лодке в море. Обрато возвращались на веслах, кончился бензин. Но вот около лодки появилась небольшая стая дельфинов. Они крутились около людей, упорно не желая уходить. И тут люди заметили в воде плавающую сеть, а в ней запутавшегося дельфиненка. Его освободили, и только тогда дельфины уплыли».

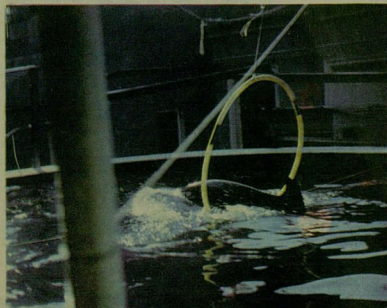
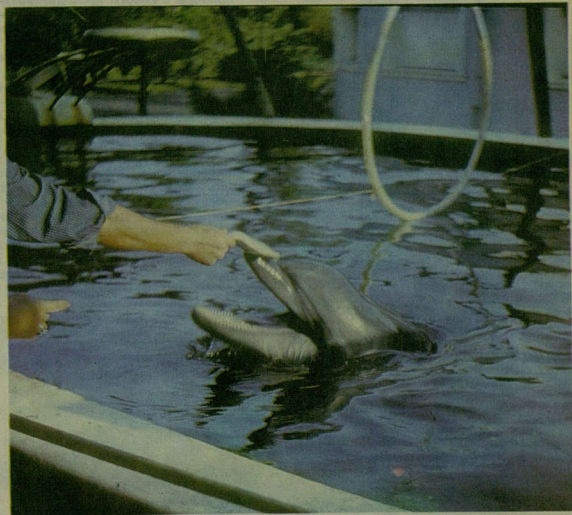
«1969 год. В районе Новороссийска купались дети. К пляжу подплыли несколько дельфинов. Они стали играть с детьми и даже позволяли трогать себя руками».

О многих удивительных историях рассказывают письма. И о том, как к евпаторийскому пляжу много дней подряд приплывал дельфин, убежавший из дельфинария. И как матросы буксирного парохода лечили в Керченском проливе дельфина, раненного льдом. Все истории даже не перечислишь.

...Если в Батуми ожидается ветреный день, солнце идет на закат багрово-красное. Вода в бассейне розовеет. По розовой воде неслышно скользят острые плавники. Вот показался над водой дельфиний затылок. Шумный короткий вдох — и животное снова скрылось под водой. Фантастическая картина! Но фантастично все, что связано с этими сообразительными и так непохожими на других обитателей моря животными.

Записал К. КАРЛОВ

Фото С. Сахарнова

НАШ ВОЕННО-МОРСКОЙ ФЛОТ

«В шатах-трубах, сжатые гидравлическими лапами, покоятся тяжелые ракеты. Где бы ни затанцевал враг, с какой бы скоростью ни динтались, ракеты догонят, достанут... Это на вахте — ракетчики.

«Летят над морем вертолеты. Крутятся серебристые винты. Чутье приборы с высоты прощупывают толщу моря: ничто не скроется от них, не ускользнет. Это на вахте — летчики».

«Всплывают круглые телевизионные экраны, пощелкивают реле, на бумажной ленте-рады цифр и знаков приборы с высоты прощупывают толщину моря: ничто не скроется от них, не ускользнет. Это на вахте — ракетчики.

«Всплывают круглые телевизионные экраны, пощелкивают реле, на бумажной ленте-рады цифр и знаков приборы с высоты прощупывают толщину моря: ничто не скроется от них, не ускользнет. Это на вахте — ракетчики.

«Всплывают круглые телевизионные экраны, пощелкивают реле, на бумажной ленте-рады цифр и знаков приборы с высоты прощупывают толщину моря: ничто не скроется от них, не ускользнет. Это на вахте — ракетчики.

«Всплывают круглые телевизионные экраны, пощелкивают реле, на бумажной ленте-рады цифр и знаков приборы с высоты прощупывают толщину моря: ничто не скроется от них, не ускользнет. Это на вахте — ракетчики.

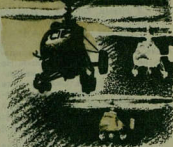
«Всплывают круглые телевизионные экраны, пощелкивают реле, на бумажной ленте-рады цифр и знаков приборы с высоты прощупывают толщину моря: ничто не скроется от них, не ускользнет. Это на вахте — ракетчики.

«Всплывают круглые телевизионные экраны, пощелкивают реле, на бумажной ленте-рады цифр и знаков приборы с высоты прощупывают толщину моря: ничто не скроется от них, не ускользнет. Это на вахте — ракетчики.

«Всплывают круглые телевизионные экраны, пощелкивают реле, на бумажной ленте-рады цифр и знаков приборы с высоты прощупывают толщину моря: ничто не скроется от них, не ускользнет. Это на вахте — ракетчики.

«Всплывают круглые телевизионные экраны, пощелкивают реле, на бумажной ленте-рады цифр и знаков приборы с высоты прощупывают толщину моря: ничто не скроется от них, не ускользнет. Это на вахте — ракетчики.

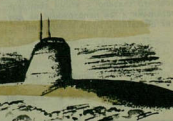
«Всплывают круглые телевизионные экраны, пощелкивают реле, на бумажной ленте-рады цифр и знаков приборы с высоты прощупывают толщину моря: ничто не скроется от них, не ускользнет. Это на вахте — ракетчики.

на шею над нашим Военно-Морским Флотом. Много славных страниц с тех пор было вписано в историю флота советскими моряками. Вырос на ветру гвардейские ленты — за подвиги в Великой Отечественной войне. Издалека видны орден на военно-морских флажках кораблей — награды за боевые дела, за дальние океанские походы...

Скорю ты вырастешь и, можа бы, подышь солнцем в наш военный флот. Сам ступишь на палубу ракетного, сам все увидишь и узнаешь. И — как знаешь — возмужай, к славным страницам истории флота прибавишь новые — написанные твоими кораблями...

Контр-адмирал Н. СКОСЫРЕВ

НАСТОЯЩИЕ ДРУЗЬЯ

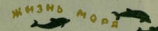
Несколько лет наш отряд разыскивает участников десанта, который высадился в Петергофе в октябре 1941 года. Мы побывали на местах, где сражались моряки, не раз встречались с десантниками, которые остались в живых. Мы призывали их в Почетные пионеры.

Недавно исполнилась наша мечта: моряки кронштадтской части привели нас в гости. Теперь все мальчишки нашего отряда хотят после школы служить в этой части, и даже наши девочки... Моряки стали нашими друзьями.

Отряд «Ракета», город Пушкин

Там, где высаживался десант, пионеры опустили на воду венки...

ВЫСТАВКА ПИНГВИНА

«СВЕЖИЙ ВЕТЕР»
Выкопан по дереву,
Игорь Потемкин, 14 лет, Халдовка

ПАТЕНТНОЕ БЮРО

Предлагаем всем читателям подумать и представить свои проекты приспособлений и изобретений для спасения осмысливающих китов. Проекты с чертежами и рисунками присылать по адресу: «СИНЯЯ КИТЬ» до 1 сентября 1973 года. В жюри войдут ученые Зоологического института Академии наук СССР. Авторы лучших проектов будут награждены книгами и ценными подарками.

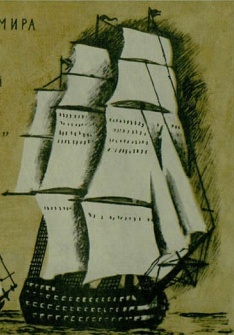
ЗНАМЕНИТЫЕ ПАРУСНИКИ МИРА

Сто двадцатипятилетняя «Виктория» была флагманским кораблем английского адмирала Нельсона. Это был огромный корабль, и, чтобы управлять его парусами, на палубу боковых декух выдвигались сотни матросов.

У мыса Трафалгар в Атлантическом океане произошла бой между английскими и французскими флотами. «Виктория» вела одну из английских эскадр. Корабли шли, вытнувшись в линию (отсюда и их название — линейные), медленно сближаясь с неприятелем. На короткой дистанции дали первый залп. Шквал взрывов обрушился на корабли. Англичане победили. Но когда победные флаги уже поползли вверх по реям, шальная пуля смертельно ранила адмирала. Тело Нельсона запертали в бочку. Несколько дней плыла «Виктория» домой. Паруса ее были изорваны в клочья, встречные ветер и течения сдвинули его медленным.

В Англии тело адмирала предано земле. Но «Виктория» осталась ему верна и здесь: она до сих пор стоит на вечной стоянке в порту Саутгемптона, куда вошла, прикушав флаг, 170 лет тому назад.

ЛИНЕЙНЫЙ
КОРАБЛЬ
„ВИКТОРИА“

ПО СЛЕДАМ ЮНГИ БОРИ КУЛЕШИНА

В майском выпуске «Морской газеты» было рассказано о юнге с крейсера «Красный Кавказ» Боре Кулешине.

Вот что нам удалось узнать о его судьбе от моряков-ветеранов...

Боря родился в Донбассе. Отец его погиб на фронте, мать ушла в несколько пингвинов. В портовом городе Поти Боря попросился на линер «Ташкент» — линер, стоявший у причала. Его взял. Юнгу полюбил весь экипаж. В артиллерийском расчете Кулешин был полускопым-заряжающим.

В бою с фашистскими самолетами в июле 1942 года лидер «Ташкента» погиб. Боря был ранен, лечился в госпитале. За мужество в бою он был награжден орденом Красной Звезды. Когда Боря выздоровел, он служил на крейсере «Красный Кавказ». Фотоснимок, напечатанный в «Морской газете», наверное, был сделан в это время.

Потом Боря направил в Тбилиское Нахичеванское училище. Окончив его, Боря Кулешин ушел в Севастопольское военно-морское училище и стал морским офицером.

Юнкеры Андрей Волошин, Эдвард Соловьевич, Ленинград

27 ИЮЛЯ ДЕНЬ

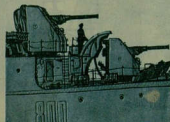
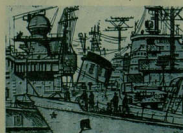
ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА СССР

Специальный корреспондент „Морской газеты“ Андрей ХАРШАК побывал в Энской части Военно-Морского Флота СССР. И самое интересное, что он увидел, он нарисовал.

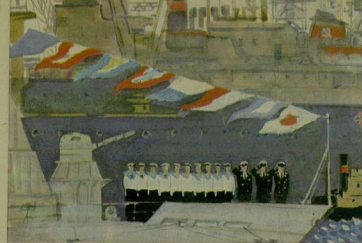
НА ВАХТЕ

В ПОРТУ

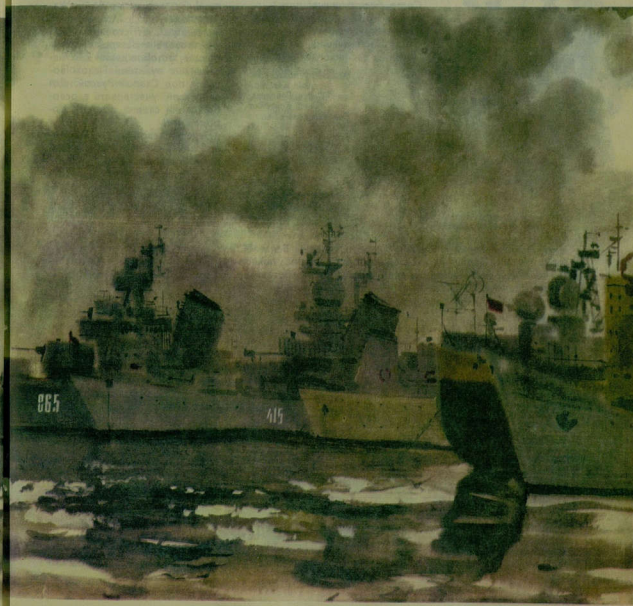

КОРАБЛИ ОТДЫХАЮТ

ПАРАД

ГИДРОАКУСТИКИ СЛУШАЮТ...

★ ПОЛЕВАЯ ПОЧТА ★ ПОХОДА „КУРС—ПОБЕДА!“ ★

О ВЕТЕРАНАХ ВОЙНЫ РАССКАЗЫВАЮТ РЕБЯТА

В штаб похода «Курс—Победа!» продолжают поступать письма из разных городов, поселков и деревень страны. Рапортуют отряды следопытов, сообщают о своем поиске участники похода. Здесь и альбомы с фотографиями, и исписанные тетрадки, и письма. Ребята рассказывают о войнах-ветеранах, об их подвигах в годы Великой Отечественной войны и о славном труде их в мирное время, о тимуровских делах пионерских отрядов.

Вечная слава

Слава вам, храбрые,
Слава, бесстрашные!
Вечную славу поет вам народ.
Доблестно жившие,
Смерть победившие,
Память о вас никогда не умрет!

*Командир поискового
отряда «Звезда»
Слава Бочкарев,
ст. Коуровка
Свердловской области*

БОЙ ЗА МОСКВУ

Бойцу 1-й Латышской дивизии Анне Ивановне Гостынь пришлось вступить в бой на самых подступах к Москве, в 35 километрах от столицы. Она участвовала в разгроме гитлеровцев, освобождении 22-х населенных пунктов. Потом воевала под Старой Руссой. Довелось ей участвовать в освобождении своего родного города Риги.

А в послевоенные годы Анна Ивановна работала на кожевенном заводе.

Часто посещают бойцы 43-й гвардейской дивизии, освобождавшей Ригу, памятник в Наро-Фоминске, поставленный

В ТЫЛУ РАБОТАЛИ ДЛЯ ФРОНТА

Я спросил у своей бабушки, Сары Юсуповны Бакаевой, старого члена Коммунистической партии, что она помнит о войне. И она рассказала, как днем и ночью они работали на заводе, у станков. И тут же в цеху она укачивала моего, тогда еще трехлетнего, папу (детсады были закрыты из-за отсутствия топлива).

Моя бабушка работала на заводе, где делали оружие для фронта!

Освободившись, бабушка дежурила в госпитале у постели раненых бойцов. Отчисляла деньги фронту, которые ей были положены за неиспользованные отпуска.

Шавкат Бакаев, Ташкент, Узбекская ССР

Оформление А. Курушина

их боевым товарищам. На снимке, который мы посылаем, можно увидеть и Анну Ивановну Гостынь.

*Отряд школы-интерната № 1,
Даугавпилс, Латвийская ССР*

БАТАРЕЯ ОТВАЖНЫХ

Комсомольцам тридцатых годов известно имя Николая Новикова. В девятнадцать лет он стал вожакom молодежи в Санчурске. В первый день войны он, работник Горьковского обкома ВЛКСМ, подал заявление с просьбой направить его на фронт. Так Новиков стал комиссаром артиллерийской батареи. Жене он писал: «Даю слово, что отдам все силы для разгрома фашистских разбойников».

Осенью 1941 года батарея прикрывала подступы к Москве на Волоколамском шоссе. Когда ранили наводчика орудия, к панораме прицела стал комиссар. «Батареей отважных» назвали этот расчет. Они не пропустили врага...

В апреле Новиков был награжден орденом Красной Звезды. Ему не довелось дожить до Победы... Его имя носит один из пионерских отрядов нашей дружины.

Следопыты Санчурской средней школы, Кировская область

ОН ЗАЩИЩАЛ ЛЕНИНГРАД

Мой дедушка Игнатий Максимович Антошкин воевал под Ленинградом. Он был сержантом, командиром отделения. Погиб 8 июня 1942 года и похоронен в селе Новоселье Залучского района Ленинградской области.

А до войны мой дедушка работал учителем.

Похоронен он был после боя в братской могиле. А как он погиб, я не знаю...

Лена Малахова, Макинск Целиноградской области

В ВОЙНУ — РАЗВЕДЧИК, СЕЙЧАС — БИБЛИОТЕКАРЬ

В нашем селе Обложки работает библиотекарем Василий Михайлович Леонов. Он всегда поможет найти интересную книгу. А в годы войны он был разведчиком. Воевал под Москвой. Командовал взводом разведчиков. Был награжден орденом Отечественной войны I степени.

Володя Костюченко, село Обложки Сумской области

ОНИ ИЗ СЕЛА АНДРОНОВКА

Многие из нашего села принимали участие в Великой Отечественной войне: А. М. Бончев, И. А. Быстров, Я. Г. Шелудько, П. Т. Янев.

Петр Трифонович Янев участвовал в боях под Новоберезовкой, уничтожил несколько фашистских танков. После войны работал шофером, а сейчас — на пенсии. Вот его фотография.

Яков Григорьевич Шелудько — участник обороны Москвы. Особенно запомнились ему бои под Тулой, когда по 8—10 раз в сутки приходилось отбивать атаки гитлеровцев. Участвовал он в боях и за другие города, имеет ряд правительственных наград. После войны Яков Григорьевич заведовал сортоучастком, внедрял новые сорта пшеницы и ячменя. Он стал отличником сельского хозяйства.

Следопыты села Андроновка Запорожской области

МЕДСЕСТРА ЖАРОВА

В школе, где мы учимся, в годы войны размещался госпиталь. В нем работала медсестрой Евгения Демьянова Жарова. Она ухаживала за тяжело ранеными бойцами. За труд ее наградили двумя медалями. Она вспоминает: раз входит в палату и называет фамилию, а отклиkaются сразу двое. Оказывается, это были отец и сын — оба они воевали, и их ранило.

Евгения Демьянова воспитала шестерых детей, потом работала у нас в школе.

*Наташа Шепина,
село Уяр
Красноярского края*

ТИМУРОВСКИЕ

ДЕЛА

В нашем доме живет мать солдата, погибшего в годы войны, Анастасия Сергушина. Она находится на заслуженном отдыхе. Мы ей помогаем во всем. Когда надо, то ходим и в магазин и моем полы.

*Следопыты отряда «Боец»,
Уфа, Башкирская АССР*

Наш класс в селе Андроновка взял шефство над участниками Великой Отечественной войны: Н. И. Антоненко, М. Б. Ахтырским, К. К. Адамовым, И. А. Быстрым.

*Отряд 6 класса,
средняя школа,
село Андроновка*

Все следопыты нашей школы помогают матери погибшего в войну летчика — Анне Ивановне Казебе. А также мы следим за памятником Неизвестному солдату и памятником Воинам-односельчанам.

*Следопыты села Обложки
Сумской области*

Раздел ведет
писатель Н. СЛАДКОВ

Оформление Т. Капустиной

ВИКТОР НИКОЛАЕВИЧ МИХАЙЛОВ — охотовед. Большой знаток леса и лесных обитателей. Лес он не только знает, но любит его и бережет. И потому — хоть и охотовед! — охотится больше не с ружьем, а с фотоаппаратом. Он считает, что охота с ружьем изживает себя. Он убежден, что для охоты с фотоаппаратом требуется куда больше умения, сноровки, смелости и знаний, чем для охоты с ружьем.

Посмотрите на его фотографии: такое не только что снять, видеть-то удалось не каждому! Но самое приятное, что все эти звери и птицы и сейчас где-то в лесу, здоровы и живы. Может, и кому-нибудь из вас удастся встретиться с ними и о встречах и наблюдениях написать нам.

ПОКЛАДИСТЫЙ МЕДВЕДЬ

Как вы считаете, можно подружиться в лесу с диким медведем? В литературе на этот счет две точки зрения. Помните, у дедушки Крылова: «Крестьянин ахнул не успел, как на него медведь надел!» Ну и, понятно, «...ворочает, ломает и, где б его почать, лишь место выбирает». А наш современный писатель Онегов рассказал в одной из своих книжек о дружбе человека с медведем-отшельником. Человек и медведь наведывались за ягодами в малинник, встречались часто, наконец перебороли взаимный страх и стали доверять друг другу. Конечно, обниматься и похлопывать друг друга по спине они не пытались, но и не шарахались друг от друга при встрече.

По правде говоря, я все же куда больше доверял басням Крылова, чем документальному рассказу Онегова! Наверное, просто столкнулся в малиннике раз-два случайно с медведем, а уж и дружбу вообразил. Сам я не один десяток лет по лесам брожу, знаю медвежью сообразительность: умница зверь, не трус, и силенкой не обижен, но без нужды не любит показываться на глаза не только людям, но и своим сородичам.

Тогда не поверил в «медвежью» дружбу, а вот прошлой весной и самому пришлось провести несколько дней в компании хозяина леса и его мохнатой семьи...

Мокрые и озбишие, выбрались мы с товарищем из самого глухого места Дарвиновского заповедника и зашли обсушиться и отдохнуть к знакомому леснику. От него узнали, что к кордону в последнее время зачастили медведи!

До этого мне не везло с фотосъемкой: гуси уже пролетели на север, к орлану не удалось подобраться, лоси ушли в другое место. И вдруг — медведи!

Не слишком рассчитывая на успех, отправились мы искать медведя: и желая встречи, и изрядно побаиваясь. К нашему изумлению, скоро в сосняке мы увидели медведицу с тремя медвежатами! А неподалеку от них — крупного медведя-самца; в роскошной, еще зимней серебристо-черной шубе.

Испугаться мы не успели, хоть и встретились с медведями нос в нос. Но и снять медведей из-за густых веток не удалось. Медвежата, с треском ломая ветки, шустро вскарабкались на макушки сосен и затаились там в ветвях. Медведица вздыбилась во весь рост, грозно фыркала и сердито притоптывала ногами. У нее явно не было желания с нами знакомиться.

Тогда мы попробовали завести знакомство с медведем. При первой встрече он, заметив нас еще издали, не спеша и с достоинством убрался в чащу, куда мы сунуться не решились. Но уже на второй день он свылся с нашим появлением и перестал прятаться. Видимо, решил, что два чудака с фотоаппаратами для него не опасны. И скоро позволил нам фотографировать себя, как нам только было угодно! А бывало, даже позировал, поворачиваясь то в профиль, а то анфас.

Тут я вспомнил рассказ Онегова о дружбе медведя и человека. Да похвастайся мне кто раньше, что он за два дня подружился с медведем, я бы его на смех поднял! А теперь и сам убедился, что хозяин леса не такой уж отшельник. Во всяком случае, фотоохотников он считает достойными его дружбы.

Мы щелкали затворами, а медведь спокойно лакомился травой. Когда мы садились перезаряжать пленку, медведь с явным интересом разглядывал нас своими маленькими угольно-черными глазками. И от любопытства даже слюни пускал!

С таким покладистым медведем мы наконец расхрабрились. Удалось даже снять медведя на двух ногах, применив «запретный» прием: сам явкнул на него по-звериному! И медведь от удивления вскинул на дыбы.

Пробовали мы его и угощать булкой и сахаром, но не хватало смелости угостить с руки, а брошенные куски он не догадывался поискать в траве.

С медведицей такого близкого знакомства не получилось. Она позволяла снимать себя с малышами только с почтительного расстояния. В первую встречу мы напугали ее малышей, и они нас страшно боялись, удирали без оглядки, стоило лишь нам показаться.

Перед отъездом мы решили познакомить медведя с лесником и потихоньку «повели» его к кордону. Лесник из окна заметил наше шествие и, перепугавшись, выскочил с колом в руках и горланя. Медведь страшно обиделся на такой невежливый прием и ушел в лес. А нам стало стыдно, что мы поставили доверившегося нам медведя в такое неловкое положение. Кто знает, что он теперь о нас подумает? Во всяком случае, к кордону он больше ни разу не подходил.

Немного успокоившись, лесник рассказал, что этого медведя он давно знает, отличая от других по белым отметинам. В прошлое лето он был меньше ростом, несколько раз подходил к ним, когда они собирали чернику и морошку. Тоже ягоды собирал, только не в корзину, конечно... Хрупал вместе с листьями и облизывался. А надоест — по деревьям начинал лазать и раскачиваться, как на качелях. Видно, уж и тогда скучно ему было в лесу одному и он приглядывался к людям.

ОТКРЫТИЕ

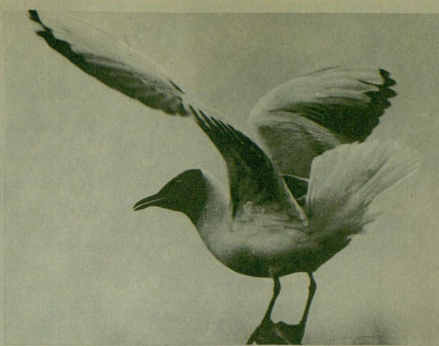
Будь у меня при встрече с медведем ружье, я бы никогда не узнал, что с диким зверем можно подружиться. Не занимаясь я фотоохотой, я бы не узнал никогда о ночных танцах чаек. Фотоаппарат помог мне сделать это открытие.

На одном из островов Рыбинского водохранилища приглянулось мне место для съемки. Немного надо времени, чтобы поставить палатку-укрытие; но потребовалось два дня, чтобы чайки привыкли к ней. А тут еще началась непогода. Мутные валы накатывались на песчаную отмель, слизывая из крайних гнезд яйца крачек. На уцелевших гнездах крачки с непосистимым упорством продолжали насиживать; даже когда их окатывало волной.

Ночью все стихло, и я проснулся. Странные звуки, похожие на приглушенное кваканье сотен лягушек, слышались за палаткой. И время от времени воздух сотрясался от шума крыльев разом взлетающих птиц.

Даже при облачном небе в июньскую ночь достаточно света, чтобы все видеть. Чайки... токовали!

Много раз мне приходилось бывать на тетеревиных, глухариных и дупелиных токах, любоваться танцами журавлей и схватками турухтанов, но о токе чаек я даже не слышал ни от кого!

Вся отмель белела от множества чаек, увлеченных танцем, удивительно напоминающим медленный вальс. Приятное на слух гортанное кваканье танцующих чаек, как музыкальное сопровождение, задавало определенный ритм этому танцу, — движение то убыстрялось, то становилось медленным и плавным.

Увлеченные танцем чайки и крачки забыли свой сварливый характер. Тихо покачиваясь и дружелюбно раскланиваясь, чайки кружились на одном месте, время от времени меняясь местами с ближайшими партнерами. По какой-то неслышной команде все птицы вдруг разом взлетали, и тут же планировали обратно, стараясь в воздухе сохранить свой удивительный хоровод. Чаек было более тысячи, хотя на отмели гнездились всего тридцать пар. Танцевали не только хозяева, но и прилетевшие гости.

Всю короткую ночь продолжался этот удивительный ток. На рассвете гости-танцоры разлетелись. А хозяева, отдохнув, принялись за обычные будничные дела.

Танцевали чайки и на другую ночь. Первый раз в жизни я видел такое. И мне бы очень хотелось узнать, удавалось ли и другим видеть танцы чаек!

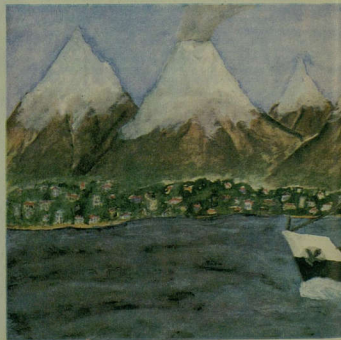

СЕТИ Игорь Трапицын, 11 лет

ПОГОВОРИМ О ТВОЕМ РИСУНКЕ

НА КАМБУЗЕ Наташа Стулова, 12 лет

КАМЧАТКА
Володя
Козинников,
12 лет

ВОДОЛАЗЫ-
СТРОИТЕЛИ
Володя
Козинников,
9 лет

хочется передать свои наблюдения другому. Вспомните время, когда вы еще и говорить-то плохо умели, а уже брали в руки карандаш и рисовали поразившее вас. Вы становились то отважными путешественниками, то храбрыми моряками, то исследователями тайн океана.

В детстве (а оно совпало с годами Великой Отечественной войны!) мне хотелось вместе со взрослыми сражаться против фашистских захватчиков, я брал карандаш и кисть, рисовал себя на палубе катера или эсминца. И тогда я словно бы стрелял по вражеским самолетам, топил фашистские корабли. Я жил, мечтая о мужестве и стойкости, которые так нужны человеку.

Видно, и вам, ребята, рисунки помогают развивать зоркость, наблюдательность, воображение. Эти качества очень пригодились мне в профессии военного топографа...

Итак, я назвал ваши рисунки рассказами. А ведь одну и ту же историю можно рассказать по-разному. От чего это зависит? От подбора точных слов, от выразительности! Рисунки обязательно должны быть выразительными.

Взгляните на работу Игоря Трапицына. Угадали, перед вами Черное море. Только на черноморском берегу такие желтые пески и такие зеленые горы. А вода отражает голубой цвет южного неба. Несколько домиков, сети на столбах. Спят к берегу рыболовное судно... Все это вы видите на рисунке. А что вы чувствуете? Давайте разберемся. Вы заметили, что на берегу совсем нет людей. Они все в море: спешат наловить рыбы, пока стоит штиль. А это суденшко как бы связывает зрителя с целой флотилией траулеров, находящихся за много миль от берега. И вы тоже ждете их прихода и тоже воображаете, как оживет поселок на закате дня, как заскрипят лебедки, выгружая из трюмов «добычу». Выразительность дости-

нута точным подбором изображаемых предметов. Представьте себе, что из рисунка уберут сети. Все нарушится: исчезнет рыбацкий поселок. Рассказ автора окажется неполным и неточным.

На рисунке Володи Карпенченко море холодное, северное. И даже зеленые деревья не «сгорают» пейзаж камчатского побережья. Чувствуется, что здесь лето короткое и снежные вершины сопки никогда до конца не тают. Корабль здесь уже не маленький траулер, а большое судно. Еще бы! Ему приходится плавать по Тихому океану на очень больших расстояниях. Автор хотел рассказать о суровости и отдаленности этого края. Думается, ему удалось это.

Наташа Стулова не сообщила нам название рисунка, но, по-моему, и так все ясно. Невеселая работа на камбузе — корабельной кухне, но нужная. Огонь в плите как живой. Выражение лиц матросов правдивое: чистить картошку — да еще на всю команду! — дело долгое и трудоемкое. Не много деталей понадобилось Наташе: воротник на форме, тельняшка, иллюминатор. А все ясно: дело происходит именно на корабле.

Интересна работа Володи Козинникова «Водолазы-строители»: она в полной мере раскрывает богатое воображение автора. Обратите внимание, как точны движения людей, работающих под водой. Не забыл юный художник изобразить и пейзаж морского дна.

Один мой знакомый инженер всегда внимательно изучает такие рисунки. Однажды рисунок десятилетнего мальчика помог ему решить важную техническую проблему!

И, конечно, во всех рисунках радует главное — интерес ребят к морю, любовь к родному советскому флоту.

И. СЕКРЕТАРЕВ

НИ ДНЯ БЕЗ ПОБЕДЫ над СОБОЙ

Рисунки Б. Петрушанского

ПОСЛЕ НЕСЧАСТЬЯ

Альгимантас Кайрис так и сказал без обиняков:

— Нет уж, дорогой, в это поверить не могу.

И что обиднее всего: Григорий Леонидович не мог тут же доказать: говорит он сущую правду. И только произнес:

— Вышлю в Вильнюс копию истории болезни, тогда пове- рить.

Но и Альгимантаса понять, право же, можно: услышанное от капитана ленинградской команды заставило бы любого усомниться в реальности происшедшего, а Кайрис — врач по специальности. Почему же он должен со слов верить вещам, идущим вразрез со всем его опытом, знаниями?

И действительно, разве обязательно нужно быть опытным медиком, чтобы убедить себя и других: бегун, перенесший травму с диагнозом «ушиб и рана головы, сотрясение головного мозга, перелом шестого и седьмого шейных позвонков, потеря двух литров крови», больше никогда не выйдет на дорожку? Тем более — спустя десять месяцев. Тут бы остано-

вись в живых, и еще — при изрядном везении — не оказались навечно парализованным.

Но ровно через 10 месяцев, 5 июля 1973 года, легкоатлет завода «Большевик» Григорий Уланов стоял на старте одного из этапов традиционной кольцевой эстафеты по улицам и площадям Ленинграда...

Несчастье подстерегло 29-летнего инженера, кандидата в мастера спорта по бегу во время купания на бурной, порожистой Вуоксе. Прыгнул в воду, а река из-за жары обмелела. И вместо воды на стремительном пути ныряльщика оказалось каменное дно.

Мало кто надеялся, что Григорий Леонидович выживет. И когда истекавшего кровью, потерявшего сознание на катере везли за 30 километров в Приозерск. И когда в попытке (о как часто безуспешной!) вправить позвонки держали в подвешенном положении. И даже когда уложили, наконец, в обычную кровать, плотно укутав гипсом.

А он жил, удивляя выдержкой и волей видавших виды хирургов. Потом, с превеликими предосторожностями, перевезли в Ленинград. Потом, в ноябре, сняли осточертевший гипс, и теперь уже он сам удивлялся. Тому, например, что со-

Григорий Уланов

вершенно разучился ходить. Атрофировались мышцы шеи и не желали держать голову в нормальном состоянии. Никто из окружающих, в том числе и самые близкие Уланову люди, не сомневался: путь ему один — в инвалиды. Сомневался в этом лишь сам Григорий Леонидович. Вот что он рассказывает об этих трудных днях.

— Сначала, признаюсь, оказавшись в роли совсем беспомощ-

мощного человека, растерялся. Но тут же взял себя в руки и мысленно набросал план наступления на недуги. Еще лежа в гипсе, буквально внушал себе мысль: исцелиться сможешь, если очень-очень захочешь. А кто, скажите, не хочет? Но под «очень-очень захочешь» подразумевались сверхусилия, огромная выдержка, на которые, казалось мне, я способен.

Первое тяжелое испытание из намеченной программы — плавательный бассейн. До него нужно было еще добраться, а потом уговорить знакомых тренеров разрешить мне «спуск на воду». Спасибо им — дали согласие и помогли приводниться. И так — день за днем. Водные процедуры оказались поистине чудодейственными, однако приходилось преодолевать адскую боль в голове, не поворачивалась шея, ныли ноги. Преодолеть все это помог... писатель Борис Полевой, вернее, герой его повести летчик Алексей Мересев. «Повесть о настоящем человеке» стала тогда моей настольной книгой, пособием...

Уточним: пособием мужества. Без него невозможно было бы второе испытание. В студеный декабрьский день Уланов... победил. Да, да — победил. Так называемой трусцой и совсем крохотной, 50-метровой, порцией. Лиха беда — начало.

Ежедневная норма росла медленно, но верно. Потом трусцу заменил (тоже постепенно, малыми порциями) бег обычный. И знаете, сколько пробежал без остановки в феврале вчерашний инвалид? Пятнадцать километров!

Все это время он, разумеется, находился под бдительным наблюдением врачей, обсуждал с ними каждый следующий шаг в «страну здоровья». И лишь однажды мнения сторон резко разошлись. Комиссия из авторитетных медиков единогласно рекомендовала Уланову стать пенсионером-инвалидом. Григорий Леонидович решительно воспротивился, хотя в жизни он — на редкость покладистый человек. Врачи только руками развели: что ж, мол, пеняй сам на себя.

Ну какая тут, скажите, инвалидность, когда программа максимум успешно выполняется? Когда и в конструкторском бюро, где ему, способному молодому инженеру, тоже поначалу предложили «инвалидную работу», дела тоже идут не так, как предполагали люди, безусловно добра ему желающие, но не принимающие в расчет его планов? Когда, наконец, и в спортивном клубе «Большевик» обещана всяческая поддержка, — вплоть до включения в состав сборной легкоатлетов, отправ-

ляющихся тренироваться на Черноморское побережье?

Это сейчас Григорий Леонидович рассказывает обо всех перипетиях размеренно, спокойно. Тогда, по его же признанию, даже поездка на благодатный юг, к солнцу и морю, была сопряжена с преодолением огромных трудностей: головные боли то отпускали, то возобновлялись, шея слушалась все еще плохо. А он теперь хотел обязательно бегать. Не просто выздороветь — а возвратиться в спортивный строй!

Как говорится, «солнце, воздух и вода». Они оказались лучшими друзьями Григория Леонидовича. И помощниками. Главное лекарство для исцеления изготавлял спортсмен сам. Потому что никто, кроме него, не в силах был ежедневно и ежечасно преодолевать яростное сопротивление тяжких недугов, не желавших сдавать позиций. Однако они отступали. С боями пятились и пятились назад.

Вот так и получилось, что фамилия Уланова снова появилась в протоколе спортивного состязания. И свой 850-метровый этап в кольцевой эстафете худощавый, светловолосый бегун с яркой эмблемой на груди пробежал довольно успешно. Во всяком случае, ни у кого из наблюдавших за бегом

Григория Леонидовича не видно никаких сомнений в его «полноценности».

Итак, второе рождение спортсмена. Как принято говорить — победа над самим собой. Можно бы, казалось, и передохнуть — сил и энергии затрачено немало. Но боец уже почувствовал «запах пороха»! И он начинает подготовку к крупным соревнованиям в Днепрпетровске. Теперь — еще труднее. Никаких скидок на «инвалидность» не будет. Уланов — равноправный член сборной команды спортклуба, одного из сильнейших в стране. Значит, проигрывать просто не позволяет.

Ему всегда нравился барьерный бег. А что, если?..

— Осилить? — спросил Виктор Михайлович Криво, старший тренер команды, и тут же, улынувшись, добавил: — Конечно, осилить.

Он уже твердо уверовал в поистине неиссякаемые воз-

можности железной воли и неукротимого упорства этого спортсмена, глядя на которого начинают упорнее тренироваться и другие легкоатлеты.

Как должное восприняли товарищи по команде третье призовое место, завоеванное Улановым на днепрпетровском стадионе в беге на 400 метров с барьерами. Как должное — и его дальнейшие успехи в соревнованиях по многоборью ГТО: сначала в заводском и районном масштабах, а затем и в городском.

Его включили в состав сборной Ленинграда для поездки в Сочи на всесоюзные соревнования «гетеошников». И команда единогласно избрала Уланова капитаном. Он, как и положено капитану, последним «покинул корабль».

От него, по существу, зависело в заключительный день соревнований, кто займет высшую ступень пьедестала почета — ленинградцы или красно-

дарцы. От южан в трехкилометровом кроссе выступал мастер спорта Владимир Шабанов, от ленинградцев — кандидат в мастера Григорий Уланов. Ему за последнее время столько раз приходилось «сражать сомневающихся», что земляки восприняли сверхуспех своего капитана, опередившего соперника на 20(!) секунд, как нечто само собой разумеющееся...

А они-то, друзья по команде-победительнице, не знали о нем самого главного! Того, о чем он, расклавывая впоследствии, рассказал симпатичному литовскому врачу, с которым довольно быстро подружился в дни соперничества на сочинском стадионе. Раскаивался, правда, сравнительно недолго. До того момента, пока в ответ на высланную в Вильнюс копию «истории болезни» не получил телеграммы всего из трех слов: «Восхищаюсь желанья счастья».

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Когда другие ребята выбегали после урока физкультуры, мне было завидно. Им можно. У них нет шума в сердце. А мне, хоть совсем не ходи на физкультуру, никто слова не скажет. Поначалу, как меня освободили из-за порока сердца, мне, честно сказать, это даже понравилось. Я чувствовал себя совершенно здоровым, мало ли что врачи говорят! Пусть ребята по

шведским стенкам лазают, а я в кино пойду. А потом неприятно как-то стало, что ты не такой, как все. Во дворе бегаешь, а от физкультуры освобожден. Я стал ходить на занятия. Врач разрешил, только чтоб не переутомляться. Преподаватель по физкультуре у нас хороший был, говорил, что таблетки хуже умеренных нагрузок. Таблеток этих и всяких других лекарств я столько принял!.. Уколы, прогревания горла — ангины по несколько раз в год! И пять лет никаких результатов. Однажды я пошел с ребятами на стадион республиканской детской и юношеской спортивной школы. Когда я играл, меня тренер Петр Яковлевич Боголюбов увидел. После игры я рассказал ему, что у меня сердце больное, а я хочу в футбол играть. Он посоветовался с врачами и разрешил мне приходить на занятия. Конечно, ограниченные нагрузки и все под наблюдением врачей — меня взяли на учет в диспансере при спортшколе. Родители сначала ворчали, боялись. У нас в семье все здоровые. Сестра, она сейчас уже в институте, с седьмого класса в ручной мяч играет. Потом ничего, видно, что мне не хуже, и успокоились. Теперь родители довольны: меня полтора года назад с учета в районной больнице сняли — проверили, говорят, в лечении не нуждается. И про тонзиллит я совсем забыл. В команде играл полусреднего, теперь перешел на край — нагрузка намного больше, но ничего, справляюсь.

Окончив школу, хочу поступить в наш институт физкультуры или в спортучилище в Караганде.

ПЕСНИ НАРОДА

Владимир БАХТИН

Ты наизусть знаешь эти строки:

У лукоморья дуб зеленый;
Златая цепь на дубе том:
И днем и ночью кот ученый
Все ходит по цепи кругом;
Идет направо — песнь заводит,
Налево — сказку говорит.

Этот знаменитый пролог к поэме «Руслан и Людмила» Пушкин создал из присказки. Среди его записей народных песен и сказок имеется и такая: «У моря лукоморья стоит дуб, и на том дубу златые цепи, и по тем цепям ходит кот: вверх идет — сказки сказывает, вниз идет — песни поет».

А вот пушкинская запись 1824 года:

«Некоторый царь задумал жениться, но не нашел по своему нраву никого. Подслушал он однажды разговор трех сестер. Старшая хвасталась, что государство одним зерном накормит, вторая, что одним куском сукна оденет, третья — что с первого года родит 33 сына... После трех месяцев царица благополучно разрешилась 33 мальчиками, а 34-й уродился чудом — ножки по колено серебряные, ручки по локотки золотые, во лбу звезда, в заволоче месяц...»

Через семь лет поэт написал «Сказку о царе Салтане». И начинается она так:

Три девицы под окном
Пряли поздно вечерком.
«Кабы я была царица, —
Говорит одна девица, —
То на весь крещеный мир
Приготовила б я пир». —
«Кабы я была царица, —
Говорит ее сестрица, —
То на весь бы мир одна
Наткала я полотна». —
«Кабы я была царица, —
Третья молвила сестрица, —
Я б для батюшки-царя
Родила богатыря».

Поэтический образ тридцати трех братьев-богатырей тоже использован Пушкиным:

...И очутятся на бреге
В чешуе, как жар, горя,
Тридцать три богатыря,
Все красавцы молодые,
Великаны удалые...

А приметы тридцать четвертого, чудесного сына, поэт перенес на царевну-Лебедь.

Пушкин глубоко знал русский фольклор. Он слушал песни и сказки Арины Родионовны, знакомился на ярмарках, в монастырях с нищими, певшими духовные стихи; делал много записей. В его библиотеке были все лучшие сборники тех лет: «Древние российские стихотворения» Кириши Данилова, «Собрание разных песен» М. Чулкова, «Собрание старинных русских сказок», «Русские пословицы» И. Богдановича...

И Лермонтов в своих произведениях обращался к народному творчеству. «Песня про купца Калашникова» вся напоена фольклором.

Как в былинах, описывается царское застолье: все пьют и веселятся, только один молодец не весел. Точно так же поэт прибегает к гиперболе (преувеличению) в изображении красоты, богатства и силы героев.

Лермонтов создал в «Песне» и образ народных певцов, он приводит их приговорки и прибаутки: «Ай, ребята, пойте — только гуси! стройте! Ай, ребята, пейте — дело разумейте! Уж потешьте вы доброго боярина и боярыню его белолицую!»

Степана Калашникова казнили.
Схоронили его за Москвой-рекой,
На чистом поле промезь трех дорог:
Промезь Тульской, Рязанской, Владимирской.
И бугор земли сырой тут насыпали,
И кленовый крест тут поставили.
И гуляют-шумят ветры буйные
Над его безымянной могилою.
И проходят мимо люди добрые:
Пройдет стар человек — перекрестится,
Пройдет молодец — приосанится,
Пройдет девица — пригорюнится,
А пройдут гусяры — споют песенку.

А недавно, перелистывая замечательную книгу М. Чулкова «Собрание разных песен», вышедшую более двухсот лет назад, я нашел песню, которая наверняка была известна Лермонтову, когда он работал над своей «Песней» — слишком уж много здесь похожего.

Молодец, герой этой песни, умирая, просит:
Положи меня, красна девица, во чисто поле,
При широкой дальней дороженьке,
В головах поставь, красна девица,

золотой крест,

На груди поставь, душа моя, калену стрелу,
Подле бок клади звончатые гусли,
Во ногах поставь, красна девица,
моего коня.

Буде стар человек пойдет — помолится,
Моему ли телу грешному поклонится.
Как охотники поедут, так настреляются.
Буде млад человек пойдет —
в гусли наиграется...

Почему я назвал сборник Миханла Дмитриевича Чулкова замечательным? Это одна из первых книг в России, в которой напечатаны подлинно народные песни, в том числе и такие, где прославлялись герои борьбы с бари, например, Степан Разин. Русские писатели XIX века очень ценили книгу Чулкова.

Некрасов главным образом писал о жизни крестьян. И, конечно, не мог пройти мимо крестьянского творчества — песен, сказок, поговорок, причитаний.

Вот отрывок из поэмы «Кому на Руси жить хорошо», из главы «Демущка»:

Злодеи! палачи!..
Падите мои слезоньки
Не на землю, не на воду,
Не на господень храм!

Падите прямо на сердце
Злодею моему!
Ты дай же, боже господи!
Чтоб тлен пришел на платьице,
Безумье на головушку
Злодея моего!
Жену ему неумную
Пошли, детей — юродивых!
Прими, услыши, господи,
Молитвы, слезы матери,
Злодея накажи!..

А это отрывок из «Плача о старосте» И. А. Федосовой. И тут и там — проклятие начальству.

Вы падите-тко, горячи мои слезушки,
Вы не на воду, падите-тко, не на землю,
Не на божью церковь, на строенище,
Вы падите-тко, горячи мои слезушки,
Вы на этого злодея супостатного
Да вы прямо ко ретивому сердечушку!
Да ты дай же, боже господи,
Чтобы тлен пришел на цветно его платьице,
Как безумище во буйну бы головушку!
Еще дай да, боже господи,
Ему в дом жену неумную
Плодить детей неразумных!
Слыши, господи, молитвы мои грешные,
Прими, господи, ты слезы детей малых!

Крестьянка Ирина Андреевна Федосова жила в Карелии в прошлом веке. Она знала былин, старинные песни и была выдающейся исполнительницей плачей (причитаний). Ее приглашали на свадьбы, на похороны, на проводы рекрутов, и она складывала удивительные по своей выразительности произведения, от которых, по ее собственным словам, камни — и те плакали.

В 1867 году петровзаводский учитель Е. В. Барсов познакомился с И. А. Федосовой и стал записывать ее причитания. В 1872, 1882 и 1886 годах вышли три тома «Причитаний Северного края» Барсова. В основном они составлены из произведений карельской волепницы. Она стала знаменитой. Ее приглашали выступать во многие города России. На нижегородской ярмарке в 1896 году ее слушал Горький и посвятил несколько произведений.

«Причитания Северного края» знал В. И. Ленин. Возвращая вторую часть, он сказал В. Д. Бонч-Бруевичу:

— Я внимательно прочел ее. Какой ценнейший материал, так отлично характеризующий аракчеево-николаевские времена, эту проклятую старую военщину, муштру, уничтожавшую человека...

— Даже здесь, в этих скорбных «завоенных плачах», раздававшихся в деревнях, при помещиках, при старостах, при начальстве, — добавил Ленин, — и то прорывается и ненависть, и свободное укорительное слово, призыв к борьбе сквозь слезы матерей, жен, невест, сестер.

Так и вспоминается «Николай Палкин» Толстого и «Орина, мать солдатская» Некрасова. Наши классики несомненно отсюда, из народного творчества нередко черпали свое вдохновение.

Вот он, гриб, — большая шляпа,
шляпа-сын и шляпа-папа.
Что устались, разини?
Посидите-ка в корзине!

Мэля ЧХЕТИНИ

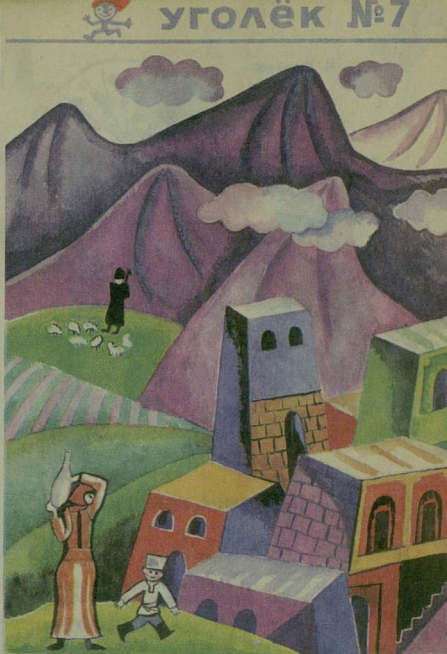
Рисунок А. Орлова

Эти странички для „Уголька“
подготовил грузинский журнал „Дила“.

Пересказал А. Лосев

Рисунок на обложке Т. Капустиной

СОЛНЫШКО

Есть у Солнышка золотые ножницы, и
кромсает оно ими облака на куски. Ни мо-
роза, ни ветра не жалеет — в клочки их!
Потом посмотрело на землю, и не пона-
вилась ему земля.

— Ну, что это такое! Где трава? Где ли-
стья? Где цветы? Где птицы, в конце кон-
цов?

Пришлось самыми длинными лучами про-
никнуть в глубь земли и разбудить заспа-
вшие подснежники, а за ними и другие
цветы. Потом Солнышко принялось отогре-
вать траву и почки на деревьях.

Набухли почки, не терпят молодых ли-
стьям выскочить наружу.

— Рано еще, сыро еще, не выскакивай,
ветром прохватит, — уговаривает дерево.

Но вот самый нетерпеливый лист не по-
слушался и — бух!

Стали взрываться почки — одна за дру-
гой...

И вот сейчас, в разгар лета, ходит Со-
лнышко по темно-синему небу, гордо погла-
дывает вниз, на пестрый ковер, и золоты-
ми ножницами пощелкивает.

Мери БОЛКВАДЗЕ

Рисунок И. Шерешевской

КАКОЙ БЫЛА БАБУШКА

ШУТКА

— Когда я была маленькая... — начала бабушка.

— Бабуля, — прервала ее Ани, — а когда ты была маленькая, ты была маленькая бабушка, да?

Тамара ЧХАИДЗЕ

2

МНЕ НРАВИТСЯ ОДЕЖДА ДЕДА

— Здравствуй, дед мой виноградный!
До чего же ты нарядный!
Весь в таких на вид приятных
купоросных синих пятнах!
Вот пятно.
И вот пятно.
Ну а вот еще одно...

— Вот ведро, а вот насос,
разводи, брат, купорос.
Хватит пятнышки отыскивать,
будем виноград опрыскивать!

Нуну КЕРЕСЕЛИДЗЕ

Рисунок А. Орлова

7

НАТОЧКА И ТАТОЧКА

ШУТКА

Наточке семь лет, а Таточке пять. Они — подружки.

— Когда вырасту, заведу себе собаку, — говорит Наточка.

— И я заведу собаку, — говорит Таточка.

— Когда вырасту, стану учительницей, — говорит Наточка.

— И я — учительницей, — говорит Таточка.

— Когда вырасту, меня будут Натальей звать, — говорит Наточка.

— А меня — Татальей, — говорит Таточка.

Анна ВАЧНАДЗЕ

В ГОСТИ

Приятно гостить у приветливой тети, конфеты в буфете всегда там найдете. В красивых бумажках конфеты!

Чудесно в гостях побывать у сестры, там кубики, мячики есть для игры. И кукла, глаза открывающая!

Неплохо бы было отправиться к дяде, он мне принесет эскимо в шоколаде на тоненькой беленькой палочке!

Но если сегодня я в гости поеду,
то только лишь,
только лишь,
только лишь к деду!
Просто потому что он дедушка!

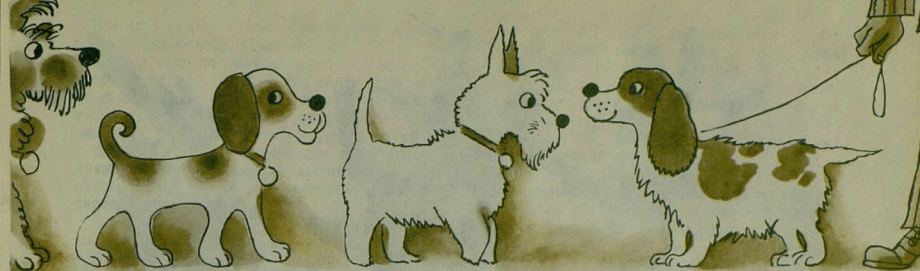
Кукури ГОГИМШВИЛИ
Рисунок А. Орлова

Рисунок
Э. Амбакадзе

6

3

НА ВЫСТАВКЕ СОБАК

Сегодня все породы
сошлись под общий флаг.
Ах, чудеса природы
на выставке собак!..

Сегодня день нежаркий,
к тому же — выходной...
Прекрасные овчарки
проходят предо мной.

Бulьдоги и терьеры
знакомятся без драк.
Прекрасные манеры
на выставке собак!

...И взрослые, и дети
Волнуются слегка.
И каждый здесь в ответе
За своего щенка.

Владимир РЕЦЕПТЕР

МОЯ МЕЧТА

Я не ужинал, не спал —
О собаке тосковал...
Вот бы если вдруг она
Появилась у меня!
Как бы я ее ласкал!
И к порядку приучал:
Всюду людям помогать,
И искать, и охранять!..
Как хочу собаку я!
День и ночь мечтаю,
Но мохнатого друга
Не нашел пока я.

Игорь Портнов, 4 класс,
Рудный, Кустанайская область

Рисунок
Б. Семенова

АЙ ДА МОЛОДЕЦ!

СКАЗКА

Сергей ВОРОНИН

Рисунки К. Овчинникова

Надоело зайцу быть трусом. Да и что это на самом деле за жизнь — всего бояться. Сова пролетит — трясись. Лиса пробежит — трясись. Человек покажется вон еще где, хоть и без ружья — трясись. Надоело! И решил заяц ничего не бояться. А для этого немного надо — только быть храбрым.

Вот, скажем, летит сова — ну и что? — и пусть летит, а ты поглядывай на нее и не смей дрожать. Или, скажем, лиса бежит — ну и пусть бежит, а ты знай себе полеживай. Или человек идет, ну и пусть идет. А то кинься ему под ноги да сбей. Вот и весь разговор! Люди-то они тоже иной раз побаняются.

Вот раз лежит заяц под кустом, а мимо лиса бежит. В другое же время заяц затрясся от страха, припал бы к земле, ушами глаза закрыл, а тут взял да и выскочил. Да на нее, да лапой ей по носу.

Что тут было! Лиса от неожиданности подскочила, завизжала, да бежать, да кричать: «Ай-й-й! Ай-й-й! Ай-й-й! Ай-й-й!»

Все это сорока видела.

«Ну и заяц! Как он лису-то по носу! Ай да молодец! Такого еще в наших местах не бывало. Силач, видно, заяц-то! Силач!»

Затрясла сорока хвостом и полетела по всему лесу новости разносить.

А заяц лежит себе под кусточком да траву

жует. Радует, как это он здорово лису угодил. Оказывается, и среди лис трусливые попадаются.

И вдруг видит, человек идет. Ну, не так, чтобы уж очень большой человек, всего-навсего Гриша-грибничок с кузовочком из бересты, но все же человек. Заяц затаился было, но вспомнил, что теперь он ничего не боится, и выскочил из-под куста — прямо грибничку в ноги! Тот от страха упал и — в рев.

— Мама! — кричит. — Мама! Меня чуть волк не съел!

Вот каким большим показался Грише заяц. Недаром говорят — у страха глаза велики.

Ну если волк, тут не до грибов. Домой, домой! Да поскорее!

Дома все рассказал.

— Надо, мужики, ружья брать и волка искать, — решил самый храбрый охотник. — Не то нам всем беда будет.

Взяли мужики ружья, пошли в лес. И ведь надо же было увязаться за ними самому дряхлему старичонке. Зузякой его звали. Не надо бы его брать, да где там. Всех больше кричит да еще хвастает, привирает, сколько он на своем веку волков истребил.

— Без меня пропадете! — кричит. — Пропадете!

Потому и взяли.

Все идут прямо, а Зузяка по-за кустам шныряет. Волка боится. Прячется.

Увидел заяц охотников. «Ну, — думает, — смертынька моя пришла. Но только и теперь отступаться от своего не буду. Трусом не умру!» Да и выскочил, и кинулся под ноги охотнику, да попал никому другому, а Зузяке.

Как тут Зузяка закричит, как завертится да давай палить из ружья во все стороны, благо ружье было у него пятизарядное. Весь лес переполошил.

Все звери кто куда. Волк выскочил. Увидал сороку.

— Где смерть наша? — спрашивает.

— А сам не видишь?! Вон заяц вместе с мужиками охотится. Самый главный у них!

Повернулся волк, куда указала сорока, и верно — стоит заяц перед Зузякой, лапой машет, а тот во все стороны из ружья палит.

— Ой, беда! — взвыл волк и понесся так, что кусты только затрещали. Выскочил на поляну, а там медведь бруснику ест.

— Чего не делом-то занимаешься! — закричал ему волк. — Заяц вместе с мужиками на нас охотится. Спасай, медведь, свою шкуру, не то мужикам на шубу пойдет!

Медведь, как услышал, — бегом. Бежит — земля дрожит. Земля дрожит, дерево шатается.

Сова проснулась, из дупла вылезла. Глядит — ничего не понимает.

— Разве уже ночь? — спрашивает.

— Какая там ночь, заяц охотников на нас ведет. Спасайся, если не хочешь, чтоб из тебя сделали чучело! — крикнул медведь.

Сова — спасаться. Ничего не видит, зигзагом летит, да над самой землей. И налетела на зайца. Сзади. Испугался он, да вспомнил, что храбрый теперь, что ничего не боится. Сбил сову на землю. И началась потеха.

Зайцу любо, что он сову молотит, а сова хоть и сильна была, да сослепу ничего не видит, машет крыльями, бьет лапами, клювом щелкает, а все попусту. А заяц-то все пуше да пуше, все ловчее одолевает ее. Только перья летят. Бьет да приговаривает: «Мне и медведь ничо чем. Захочу — всех измолочу!»

Еле сова вырвалась. На весь лес слух о зайце пустила, о силе его. Что и медведь ему ничо чем.

Обидно, конечно, медведю, а что поделаешь. Хотел себе померяться с зайцем силою, да подумал и раздумал: «Кто его знает, а вдруг намнет бока, а они у меня и так мяты будут — всю зиму в берлоге лежать». И отошел в сторону.

Вот так-то и стал заяц храбрым. Как только где покажется, тут же ему и дорогу уступают.

— То-то же! — грозит им заяц лапой.

На днях сам волк дорогу ему уступил. Даже поклонился. Еще бы, если заяц сильнее медведя.

А все потому что храбрый. А если храбрый, то и сильный. Самый сильный!

Ну и заяц! Ай да молодец!

ТУРНИР-751

Сегодня — седьмой тур. В нем каждый рыцарь сможет завоевать еще 10 очков, приближающих его к спортивному разряду.

Шахматистов ждут две задачи Юрия Башлыкова (Белово).

А. Белые: Крd7, Фh8, Лh1, Кb3, п. d2; черные: Крд5, Кf4, п. b4, b5, d3, e5, f5. Мат в два хода.

В. Белые: Крe6, Лa2, Кb3, п. e5, f4, f5, g3, h2; черные: Крh1, п. e7. Мат в шесть ходов.

Шашистам нужно найти победные комбинации в двух концовках Сергея Мальцева (Новосибирск).

А. Белые: a1, a3, b2, d2, f4, f6, g5; черные: a5, b6, d8, e3, e7, h8.

Б. Белые: a1, b2, c3, e1, f2, g1; черные: a5, b4, d6, f6, g3, h4.

НА ПОЛИГОНЕ

Главное оружие рыцарей АРЧЕБЕКА — быстромат. Все лучше овладевают им архебековцы, точнее ведут огонь...

На нашем полигоне назначается пристрелка трех новейших образцов быстромата. Их конструктор — доблестный рыцарь Олег Шалыгин из Первомайска. В испытаниях могут участвовать все желающие. Стрелять разрешается стоя, сидя и лежа. Условия стрельбы перед вами.

№ 1. Белые: Крf5, Лf2, Лg1, п. f4, f6; черные: Крh5, п. f7, h3, h4, h7.

№ 2. Белые: Крд2, Лa2, Сb3, п. d3; черные: Крb1, Сa1, п. b2, b4, d4.

№ 3. Белые: Кра1, Фg7, Лd1, Кf2, п. d5; черные: Крe3.

Рыцари, на линию огня! Цель — черный король. Белые начинают и везде дают мат с дистанции трех ходов!

ЧУДЕСА В ШАХМАТНОМ РЕШЕТЕ!

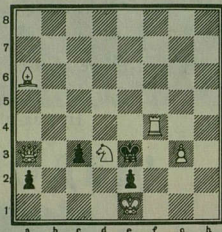
Уважаемые рыцари! Вы меня узнали? Это же я, всемирно известный факир-маг На Ду Валкин. Прошу

следить и убедиться — работаю без всякого обмана!

Беру простую картонную шахматную доску.

Из правого рукава достаю белые фигуры и ставлю их, как на диаграмме.

Из левого рукава достаю черные фигуры и тоже ставлю их, как на диаграмме.

А теперь я с помощью ассистента — автора этой позиции, почетного архебековца из Приморского края Александра Ратушного, покажу вам обыкновенное чудо. Никакой ловкости рук, а тем более мошенства: все основано на остроте ума!

Итак, я тут буду играть белыми и любого противника заставлю ОБЪЯВИТЬ МНЕ МАТ. Кто не верит, прошу поднять руку!

— Я не верю! Я — Петя Веревкин. Меня не заставите дать вам мат. Не буду давать — и все!

Значит, не веришь мне, Петя Веревкин? Тогда садись за доску. Я иду 1. Кb4! А ты? Пешкой на a1 и превращаешь ее в ладью? Прекрасно. Я иду 2. Фc1+. Изволь бить моего ферзя и объявить мне мат! Другого-то хода у тебя нет. Что? Ты не в ладью превращаешь пешку, а в слона? Тоже прекрасно. Тогда я иду 2. Фc3+. Изволь бить моего ферзя и объявить мне мат! Что еще? Ах, ты желаешь превратить свою пешку не в ладью и не в слона, а в коня? Замечатель-

но. Я иду тогда... Впрочем, доблестные рыцари, сделайте-ка за меня ходы. Да такой, чтобы Петя Веревкин обязательно объявил мне мат. Кто сумеет? (А по секрету сообщаю: такие задачи называются задачами на обратный мат).

ОРУЖЕНОСЦЫ, ШАГ ВПЕРЕД!

Внимание: боевое задание!

Тебе, конечно, известно, что пешку, которая пройдет через всю доску и вступит на последний ряд, можно превратить в любую фигуру? Вот и отлично. Тогда расставь шахматы так.

Белые: Крe4, Фh7, п. f7; черные: Крe6.

А теперь найди способ дать мат в два хода!

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

Задачи в «Костре» № 5 решаются так.

Турнир-75! Шахматы — А. 1. Лh1! Фb8 2. Крf2+ Крb2 3. Крe3+ Крc3 4. Лc1+ и т. д. Б. 1. g4+! Крh6 2. d7 a2 3. d8Ф a1Ф 4. Фh4+ Крg6 5. Фh5+ и т. д. Если же 1... Крg4 или 1... Крg6, то 2. dс и т. д. Шахи А. 1. f8! e3 (если c3, то 2. b4!X) 2. c5! d2 3. e3! 4. b8 e3 5. f2!X Б. 1. e3! h4 2. g4! и т. д. X.

Оруженосцы, шаг вперед! Знай казал о мате в 2 хода — 1. Ch1!

Тренировочная кабина. № 1. 1. Фd6! № 2. 1. Фg1! № 3. 1. Фg2!

ПРИКАЗ № 7

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕКОМ, приказываю:

§ 1. Рыцарям и оруженосцам отослать рапорты до 1 сентября.

§ 2. Рапорты писать на открытках, помечая в верхнем левом углу номер тура и свой пароль, а внизу — свой адрес и индекс.

Шахмат-адмирал Ферзьберы

1. Старт. 2. Труба. 3. Африка. 4. Ангола. 5. Алхимик.
6. Ковш. 7. Шапка. 8. Автобус. 9. Стриж. 10. Жираф.
11. Фазан. 12. Носорог. 13. Герб. 14. Брюки. 15. Ислам.
16. Муха. 17. Арбуз. 18. Земля. 19. Язык. 20. Колокол.
21. Лук. 22. Купол. 23. Лотос. 24. Сфинкс. 25. Семафор.
26. Робот. 27. Топор. 28. Русалка. 29. Аэроплан. 30. На-
лим. 31. Мамонт. 32. Тургенев. 33. Волк. 34. Каравелла.
35. Азот. 36. Танк. 37. Кентавр. 38. Равенство. 39. Окапи.
40. Икар. 41. Ребус. 42. Суп. 43. Пегас. 44. Станок.
45. Карта. 46. Архимед. 47. Динозавр. 48. Росинант.
49. Телеграф. 50. Финиш.

**Рисунки
О. Зуева**

СЛИШКОМ БОГАТАЯ ФАНТАЗИЯ

Да, знаменитому американскому детскому писателю доктору Сьюзу никогда не приходилось жаловаться на отсутствие фантазии. Поэтому, когда в дни второй мировой войны он получил заказ на сценарий мультипликационного фильма для солдат, он быстро справился с заданием. Чтобы воодушевить воинов, сражающихся с фашистами, доктор Сьюз сочинил веселую сказку о том, как добрый волшебник изобрел новое сверхмощное оружие. Для производства оружия по ходу сказки требовалась специальная вода, которую нелегко было раздобыть, но зато небольшое количество волшебного вещества могло сне-

сти с лица земли целый вражеский город.

Готовый сценарий был отдан на прочтение военным утром.

А уже днем доктора Сьюза вызвали в контрразведку.

Писателя допрашивали три дня и три ночи.

— Откуда вам стали известны сверхсекретные данные о новом, атомном, оружии? — допытывались разведчики.

Немалых трудов стоило доктору Сьюзу убедить разведчиков в том, что он знает не знает ни о каких секретах, а сочинил то, что подсказала ему фантазия. Прежде чем его отпустили воясы, писателю пришлось поклясться, что эту свою сказку он до конца войны никому не будет рассказывать.

ЧТО ТЯЖЕЛЕЕ?

По табелю, составленному еще Петром I, предписывалось, кому сколько лошадей в карету запрягать. Бесчиновный дворянин должен был довольствоваться одной лошадейкой, а вельможа ездил «цугом» — шестерня в упряжке.

Как-то раз один важный барин, желая позабавиться остроумным словом знаменитого поэта Сумарокова, спросил его:

— Что, любезный, тяжелее будет — ум или глупость?

— Ум легче, — ответствовал поэт, — иные шестерней ездят а меня и пара лошадей вывозит. Нечего и говорить, что вельможа не нашел ответ забавным

СОДЕРЖАНИЕ

Одевать землю в луга и сады... фоторепортаж О. Орлова и И. Колтуна	2
Самая великая из пирамид очерк С. Степаньянц рисунки Ю. Клыкова	4
Стихи В. Бирюкова рисунком О. Иващенко	7
Дуб заболел. Соловей рассказы А. Крестинского рисунки Т. Соловьевой	8
Барабан журнал юнкоров	10
Трудовая закладка очерк Л. Регины фото А. Чернышева	14
Ехидна рассказ С. Баруздина рисунком Т. Васильевой	17
Библиотека КОСТИ ТЕРКИНА Наши удивительные соседи очерк В. Танасийчука рисунки А. Януса	20
Там, за поворотом повесть В. Мухоманова рисунки А. Слякова	23
Здравствуй, Восточный! фоторепортаж Ю. Муравина	38
Сообразительные дельфины очерк А. Швалова фото С. Сахарова	40
Морская газета	42
В гостях у военных моряков рисунки А. Харшака	44
Поход „Курс-Победа“	46
Зеленые страницы	48
Поговорим о твоём рисунке бегеда И. Секретарева	50
Ни дня без победы над собой очерк М. Эстерлиса	52
Песни народа очерк В. Бахтина рисунком И. Латинского	55

Главный редактор С. В. САХАРОВ

Редакционная коллегия: В. М. ВОСКОВОЙНИКОВ, Т. В. ЗАХАРОВА, Л. С. КО-
КОРИНА (отв. секретарь), А. И. ПАНТЕЛЕЕВ, Л. Н. ПОЖИДАЕВА, Р. П. ПОГОДИН,
Е. В. СЕРОВА, Н. И. СЛАДКОВ, В. В. ТОРОПЫГИН, Н. А. ХОДЗА, Г. М. ЧЕРНЯКОВА,
Ю. А. ЮРКАН (зам. редактора)

Художник-редактор М. С. БЕЛОМЛИНСКИЙ
Технический редактор В. И. МЕЧУТНОВА
Корректор В. А. МАЕВСКАЯ

ДОРОГИЕ РЕБЯТА!

Вы прочитали журнал, где большинство статей, очерков и рассказов посвящено одной теме—теме защиты Природы.

Мы знаем: вы тоже помогаете этому важному делу и могли бы тоже рассказать о работе ваших Голубых и Зе-

ленных патрулей, о том, как у вас проходит операция „Муравейник“, о жизни своих юннатских кружков.

Пусть будут чистыми реки и озера нашей страны!

Пусть будут звонкими голоса птиц!

Пусть будут веселыми леса и рощи!

Ждем ваших сообщений.

Замечательный ленинградский художник Евгений Иванович Чарушин любил рисовать зверей. Особенно хорошо удавались ему малыши: волчата, оленята, носопалые мишки, маленькие совы с мохнатыми ногами. Посмотри на этих неуклюжих и милых зверюшек детенышей.

